

XX ГОРНОЕ ДЕЛО И ХОЗЯЙСТВО КАБИНЕТА

а) Горное хозяйство

(Возникновение горного дела при Демидове. Переход заводов в Кабинет. История горного управления на Алтае; привилегированное положение Алтайских заводов. Постепенный рост горного дела при крепостном труде. Крепостная¹ реформа и влияние ее на производительность заводов. Упадок заводов при вольнонаемном труде; причины этого упадка. Современное состояние рудников и заводов. Заключение).

Мы не беремся представить полную картину истории горного дела на Алтае; для этого у нас нет ни достаточно материалов, ни места в настоящем сборнике. Свою задачу мы будем считать выполненной, если, согласно общей цели сборника, нам удастся представить картину экономического положения населения в зависимости от развития горной промышленности, которая еще недавно давала тон и направление всему строю на Алтае. Для этой задачи нам придется коснуться, хотя бы кратко, и развития самого производства и законодательства, и управления на Алтае. За историческими подробностями и сведениями о развитии специально горного дела на Алтае отсылаем к «Сочинению о Сибирских рудниках и заводах» академика *И. Германа* изд. 1797 г. (доведено до 1795 г.), «Описанию Кольвано-Воскресенских заводов по 1833 г.» *Кулибина* (не окончено. Горн[ый] журн[ал]. 1836 г. Кн. 1–7) и «Горнозаводское производство Алтая» проф[ессора] *Йосса*, изд[анное в] 1885 г. (печаталось в «Горн[ом] журн[але]» 1884 г. 1, 2, 3, 5, 10 [кн.] и 1885 г. 9 кн).

Основателем горного дела на Алтае был Акинфий Никитич Демидов, сын известного тульского кузнеца, Никиты Демидовича Демидова (Антуфьева). Как владелец нескольких уральских заводов, интересуясь ископаемыми богатствами малоизвестной страны, находившейся на восток от Урала,

¹ Крепостная реформа, т. е. отмена крепостного права в 1861 г. (*Ред.*)

«он вознамерился разведать, не кроется ли на северо-западных отраслях гор Алтайского хребта металлов», – говорит Герман. «Должно быть непременно причина, почему оныя названы *золотыми* горами, ибо Алтайские горы китайцами именуются *Алтай-Алин*, но слово сие есть сложное из монгольского слова *Алтай* (золото) и тунгусского *Алин* (гора)». Первыми разведчиками его были местные звероловы, которые в один из воскресных дней 1723 г. нашли в чудских копиях около оз. Колывани на русской границе, смежной с тогдашними владениями Зенгарского князька Галдан Чирина, медную руду и, слыша про обещанные Демидовым награды за такие находки, образцы руды представили ему. В этом же году Демидов послал на Колывань для разведок подьячего Дмитрия Семенова, по прозванию Козы-Ножки, «с достаточным на первый случай числом мастеровых». При рч. Локтевке в 1723 г. была построена первая печь для пробы медных руд. Образцы выплавленной черной меди были отправлены в Невьянский завод Демидова. Удостоверившись в доброкачественности руд и обилии лесов, Демидов в 1725 г. стал ходатайствовать пред Берг-коллегией о разрешении ему устроить завод, а в ожидании этого разрешения (оно дано в 1726 г.) в феврале 1725 г. прислал из Невьянска на Колывань трех приказчиков «с довольным числом мастеровых», которые и построили при той же Локтевке медноплавильный завод о трех печах с ручными кожаными мехами. Завод был назван Колывано-Воскресенским, по имени соседнего озера и в воспоминание дня первого открытия рудных местонахождений.

Тотчас же по получении разрешения на открытие завода Демидов потребовал себе приписных крестьян, каковая просьба и была исполнена Сенатом на основании указа, данного Петром I в 1722 г. глав[ому] начальнику Екатеринбургского завода Геннину: «а на первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и воевод, о чем к ним даны послушные указы». В 1727 г. по просьбе Демидова на его завод был послан из Екатеринбурга с новыми мастеровыми людьми Демидова сведущий в горном деле гиттенфервальтер Клеопин, который перенес завод с рч. Локтевки на рч. Белую за 3 версты и, устроив здесь 4 вододействующих печи, пущенные в 1729 г., воротился обратно. Этим было положено прочное начало горному делу на Алтае, которое потом так широко развернулось.

В 1732 г. для свидетельства рудников и плавок на Колывано-Воскресенский завод были посланы из Берг-коллегии горные чиновники Рейзер и Фермор, а в 1734 г. еще двое – Кожухов и Капустин. Результатом этой ревизии было отображение от Демидова в 1735 г. в казенное содержание завод, для приема которого из Екатеринбурга главным горным начальником Татищевым был послан Угрюмов. Указаний на причины отображения завода в

казну нигде нет, но очень может быть, что главною из них была надежда найти здесь серебро, так как уже в следующем 1736 г. здесь начали добывать из Корболихи, названной потом Змеиной горой, серебряную руду и плавить из нее роштейн. Но по неумению отделять из него чистое серебро роштейн был брошен и самое присутствие в нем серебра было объяснено подлогом пробирщика, который будто бы сплавил в пробах чудское серебро. Таким образом, этот знаменитейший потом Змеиногорский рудник, снабжавший в течение трех четвертей столетия все сереброплавильные заводы Алтая и прославивший их по всей Европе, был вначале заброшен, как не стоящий внимания, потому что тут не было найдено медных руд.

В 1737 г. завод, однако, был снова передан Демидову, который с этого времени деятельно расширяет горное дело на Алтае. Еще в 1730 г., задумав построить новый завод, он поселил несколько из своих «собственных» людей при устье рч. Барнаулки, а в 1739 г. заложил здесь Барнаульский завод и получил вновь приписных крестьян в 1740 г. – 200 и в 1742 г. столько же дворов. В 1742 г. на Змеиной горе были открыты богатые серебряно-свинцовые руды, для выплавки из которых серебра и отделения его от меди и свинца были приглашены иностранцы Христиани и Юнганс, которые в 1743–[174]4 гг. построили 2 трейб-офена, 2 гейзер-герта, 1 дар и 2 плавильных печи. Уже в 1744–[174]5 гг. получено было бликового серебра 2 п[уд.] 25³/₄ фун[та]. В 1744 г. был заложен третий завод – Шульбинский.

В 1742 г. с завода скрылся штейгер Трегер, и Демидов, опасаясь доноса его о выплавке на заводах серебра, сам обратился к Императрице с ходатайством о присылке к нему исследователей. Трегер, действительно, представил в Кабинет Императрицы богатые серебро и золотосодержащие руды. В 1744 г. сюда вместе с Трегером был послан искусный пробирщик Улих, оба под начальством бригадира Беера. Явившись в январе 1745 г. на заводы, Беер тотчас же запретил демидовским приказчикам выплавку серебра и занялся этой выплавкой сам на счет казны. В 2 года было выплавлено серебра 44 п[уд.] 6 фун[тов] 21 зол[отник] и от него в Петербурге отделено 12 фун[тов] 32 зол[отника] 33 дол[и] золота.

После этого, 1 мая 1747 г. по Высочайшему указу на имя Беера все заводы и рудники на Алтае от Демидова были отобраны и взяты в Кабинет. Вот некоторые пункты этого указа: 1) «Оные Кольванской, Барнаульской и недоконченной Шульбинской со всеми к ним принадлежащими рудниками, строением, отведенными землям, мастеровыми людьми с собственными его Демидова, и приписными крестьянами, взять по оценке на ее Императорское Величество. 5) Работы исправлять приписными к оным заводам крестьянами, прибавив еще к тому Кузнецкого ведомства Белоярскую и Малышевскую слободы, Бикатунскую крепость и Берской острог, зачитая в подушной

оклад положенное от Берг-коллегии». По п[ункту] 7 «для охраны заводов и постройки крепостей, а также и для некоторых легких работ на заводах должны быть употребляемы солдаты местных войск». 12 п[ункт]: «Книги и щеты сочинять по силе Адмиралтейского регламента, для чего и иметь присутственное место, именуя *Канцеляриею Колывано-Воскресенского горного начальства*, для суда и расправы учредить контору земского суда; по делам в смертном убийстве отсылать в гражданский суд, в похищении же казны судить и разыскивать в упомянутой канцелярии».

Этим указом было положено основание того горно-военного строя на всем Алтае, который, за исключением кратковременного возвращения к гражданскому строю в 1779–1785 гг., продолжался и развивался до общего освобождения от крепостной зависимости 1861 г. Высочайше утвержденным в 1761 г. докладом Олсуфьева этот строй получил дальнейшее развитие. Штаб- и обер-офицеры Колывано-Воскресенского горного начальства с этого времени были «пожалованы рангами, жалованьем и действительным почтением, по сходству математических их наук, против артиллерийских и инженерных» (чинов) и производство их в эти чины предоставлено Кабинету, а в высшие чины производились самой императрицей, «дабы российские дворяне, имея надежду получить в горной службе офицерские чины, без умаления в почтении своем пред прочими в службе находящимися, охотнее в горные науки и службу идти могли» (п[ункт] 2). Далее по 10 п[ункту] этого доклада все военные команды в заводах отдаются в непосредственное ведение заводского начальства, которое само назначало в них офицеров. По поводу этой реформы мин[истр] финансов Васильев при выработке в 1806 г. первого Горного положения (не касавшегося, однако, Колывано-Воскресенских заводов) так выражается: «Сия статья в докладе в особенности почтена необходимо нужною для соблюдения единства команды. Посему управляющий каждого завода не только заведывал всю горную команду, но и всю военную, какая для безопасности от набегов близ кочующих народов была определена на всякий завод».

Такое управление Алтайских заводов с громадными полномочиями главного начальника ставило их в исключительно привилегированное положение среди всех остальных горных заводов как казенных, так и частных в России, положение, которому не могли не завидывать эти последние. Даже цитированный нами доклад министра Васильева так отзывался о них: «Самые счастливейшие заводы в России суть Колывано-Воскресенские. Климат лучший из всей Сибири, горы довольно изобильные рудниками и лесами, земледелие, можно сказать, во всем пространном значении в цветущем состоянии. Начальники и подчиненные, горные штаб- и обер-офицеры всегда примерные. Главное управление неперемненное и такое, которое дей-

ствиям начальника в пользу заводов никогда не мешало и всегда давало ему всякое нужное вспомоществование. Хотя природа или физические качества заводов Уральского хребта преимущественнее, так как сии изобильнее лесами, рудами и имеют даже удобства судоходства и многие другие выгоды, каковых в первых не достает; но выше прописанные обстоятельства, *особливо управление*, сделало их во всем преимущественнее перед сими» (стр. 77, ч[асть] I). А эта особенность состояла в следующем: «Кабинет, как прежде, так и ныне (1806 г.) дает полную хозяйственную власть начальникам заводов, не стесняя нимало их действия в пользу заводов... Таково управление Кабинета, соединенное с полною доверенностью к местным начальникам, всегда держало заводы в самом лучшем положении. Но коль скоро местные начальники не имели надлежащего образа правления и власти, то успех оных в выплавке металлов был уже совсем другой. Было и другое время, когда начал Кабинет считать главного заводов начальника в разных мелочах, отступая от своего прежнего образа правления; но как сие продолжалось весьма не долго, да и решилось, может быть, переменою начальника, то и не имело по себе никаких чувствительно худых последствий» (стр. 156, п[ункт] I). В другом месте доклада, перечисляя различные привилегии, данные в 1761 г. горным и военным офицерам Колывано-Воскресенских заводов, министр прибавляет, что офицерам посылались из Кабинета даже особые значки серебряные, шарфы и то подобное. «Все сии подробности, по виду весьма маловажные, помещены здесь с тем намерением, чтобы показать, сколько внимания правительство имело тогда на сию службу и сколько старались, с одной стороны, трудности ее облегчить всеми средствами и пособиями, а, с другой, неприятности удаления из России и от общества, и неприятности самих занятий по службе некоторым образом усладить оказываемым уважением и сравнением сей службы с другой».

Однако общий реформаторский дух конца прошлого столетия¹, в корне изменивший внутреннее управление в России и Сибири, заменивший полновластных воевод и губернаторов ответственными губернаторами, давший городам первые начатки самоуправления, не мог обойти и Алтая. С учреждением в 1779 г. Колыванской области прежний исключительный порядок военно-горного управления был уничтожен: «До сего нового учреждения было в канцелярии горного начальства только двое членов и в управлении оной *сверх* горных и заводских дел находились еще судные, следственные, счетные, командные, также разбирательство между людьми служащими, купцами, посадскими и крестьянами, – пишет Кабинет на жалобы Колыванского начальства ввиду нового порядка вещей и на опасения вреда, могущего произойти от них для заводских интересов, – ныне же все

¹ Т.е., конца XVIII в. (Ред.)

то отделено в другие департаменты; да и о нужнейших горных расположениях трактуется особо в горных советах». Главное же в этом преобразовании было выделение из горнозаводского ведомства гражданского и хозяйственного управления над алтайским населением, которое к этому времени уже все было приписано к обязательным заводским повинностям (подробности ниже в «Положении рабочих»). Правда, в прежнем положении военно-горного подчинения и теперь остались мастеровые заводов, но главная масса населения (приписные крестьяне, обязанности которых в этом году строго определены) в административном, судебном и хозяйственном отношениях подчинены уже гражданским учреждениям, независимым от горного. Впрочем, реформа эта умалялась для алтайского населения тем обстоятельством, что начальник Колыванской области Меллер был вместе с тем и главным начальником заводов; однако, коллегиальное устройство и независимость отдельных учреждений была настолько сильна, что генерал Меллер, состоявший до того на горной службе и горячо преданный интересам заводов, тем не менее не мог уже поставить все дело управления областью в зависимость от одних заводских интересов.

На другой же год по введении нового устройства Меллер ходатайствует о некоторых изменениях его; эти ходатайства повторялись с 1780 г. в продолжение нескольких лет, едва не ежегодно. «Начальник не имел уже прежней хозяйственной распорядительной власти; то при всяком случае, с одной стороны, находил он новые затруднения, влекшие за собою упадок заводов, а, с другой, власть его была весьма не определена и связана канцелярским обрядом казенной палаты. Всеми сими обстоятельствами он вынужден был снова относиться в Кабинет и просить или новой власти или перемены в составе правления горного и разрешения в сомнениях» (доклад мин[истра] Васильева). В 1782 г. «он просит, между прочим, о том, чтобы по крайней мере горные члены казенного департамента были под отдельным и особенным его председательством». На это Кабинет ответил, что, «хотя желал бы он, чтобы как для Кабинета, так и для него неприятные происшествия («здесь разумеются некоторые противные службе споры», замечает министр) мог он оставить в молчании, но... хотя не без сожаления, однако ж, в должное закону и справедливости удовлетворение дается ему знать, что таковое его требование не согласно ни с Высочайшими учреждениями, следовательно, ни с намерением Кабинета». Эти ходатайства скоро обратили на себя внимание и в 1785 г. при назначении нового начальника Качки инструкцией Соймонова было предписано: «в делах, требующих скорого решения, в которых замедление было бы вредно, может он посылать ко всем частным командирам особенные повеления и делать нужные распоряжения к успешному заводскому действию, давая об оных знать Горной

экспедиции во известие». Затем ему предоставлялось «1) разделение и назначение личное штаб- и обер-офицеров и других горных и заводских чинов по заводам и рудникам, где кого определить; 2) Кольванский горный батальон и производство по нем по указам 1764 и [17]69 г. и 3) горные и батальонные нижние чины и военные суды». Словом, едва ли не во всем возвращались к прежнему устройству, и, как говорит цитируемый нами часто доклад министра, – «власть начальника не была стеснена, но еще более дали ей силы..., и таким образом восстановленное управление начальника с хозяйственною полною властью, вскоре возвратило заводам прежний их блеск». В 1797 г. по уничтожении Кольванской губернии, была восстановлена и прежняя Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства. «Посему Канцелярия эта, восприяв прежнее свое существование, определила между прочим, на основании указов 1747 и [17]61 гг. быть наипервое купцам и мещанам и приписным крестьянам в ведомстве оной канцелярии и на прежнем основании открыть суд и расправу и учредить земскую полицию» (Докл[ад] мин[истра]).

После этого заводы в своем управлении уже никогда не претерпевали существенных изменений; с 1830 по 1855 г. они, оставаясь собственностью Кабинета и находясь в его полном распоряжении, временно были только в заведовании министра финансов, но это нисколько не изменило существа управления ими, ни даже порядка в сношениях. Их не коснулись, как увидим далее, коренные реформы 1804 г., освобождавшие громадную массу приписных крестьян от обязательных работ на казенных и частных горных заводах, не коснулось и первое Горное положение 1806 г., с точностью регулировавшее права и обязанности чинов и мастеровых на этих заводах. С 1822 г. привилегированное положение заводов еще более усиливается совмещением должности главного начальника горного округа с должностью томского гражданского губернатора, что продолжалось до 1863 г. Для заведования специально горною частью была учреждена должность горного начальника. Первое кодификационное Положение и штаты для Алтая являются только с 1828 г., но и они как в судьбе управления заводами, так и управляемого населения не внесли существенных изменений, приведя только в ясность и систему права и обязанности высших и низших горных чинов, а также мастеровых и приписных крестьян. Точно также не внесли заметных изменений и изданные в 1849 г. штаты заводов, кроме одной коренной перемены в системе вознаграждения мастеровых людей (см. далее «Полож[ение] рабочих»).

Особенно внимательное отношение к Алтайским заводам во все время состояния их в ведомстве Кабинета выразилось и в назначении личного состава главного управления ими. На должности главных начальников Алтая в большинстве назначались успевшие зарекомендовать себя опытностью

или начальники главных казенных заводов, или директора и профессора Горного института (прежде Корпуса). Так, первым начальником Алтайских заводов назначен бывший председатель и командир еще знаменитых тогда Тульских заводов, А. В. Беэр (1747–1750); следующий после его преемников Христиани, Улиха и Порошина генерал *А.А. Ирман* (1769–1778) назначен из начальников не менее знаменитых тогда Камских и Гороблагодатских заводов. В это же время на Алтай был прислан из Екатеринбургских заводов один из даровитейших тогдашних русских горных механиков–самоучек *К.Д. Фролов*, а ранее его с тех же заводов на Алтай переведен *И. Ползунов*, изобретатель первой огнедействующей машины. *Г.С. Качка* (1785–1798) до того был главным начальником Богословского округа на Урале. *Е.П. Ковалевский* (1830–1835) был до того командиром Горного корпуса, а потом министром народного просвещения; его преемник *Н.А. Шленев* (1836–1837) пред назначением на Алтай управлял Екатеринбургскими заводами и был членом Горно–ученого комитета при министерстве, а преемник Шленева *Ф.Ф. Бегер* (1838–1840) был начальником Богословских заводов. *С.Н. Татаринов* (1841–1846) был до того начальником Нерчинских заводов, его преемник *П.П. Аносов* (1847–1850) – бывший главн[ый] начальник знаменитых тогда Златоустовских заводов – известен, как изобретатель «аносовской стали». Следующий за ним *В.А. Бекман* (1851–1857) был также начальником Златоустовских заводов. *А.Д. Озерский* (1858–1863) был инспектором Горного института, а *Ю.И. Эйхвальд* (1871–1881) – бывший профессор этого института, и наконец, нынешний главный начальник *Н.И. Журин* (с 1883 г.) переведен из начальников Гороблагодатского округа на Урале. Далее, говоря о производительности заводов, мы прилагаем полный список всех начальников Алтайского округа. Даже из этого неполного перечисления главных начальников нельзя не подметить явного преобладания немецкого элемента, который был господствующим, особенно, в прошлом столетии во всем управлении Алтая. Немцы–саксонцы были первыми учителями в горном деле, не только на Алтае, но и везде по России; с ними заключал контракты еще и Демидов, а потом и Кабинет, когда Алтайские заводы перешли в его ведение. Влияние этих учителей отразилось не только на технике производства, но и на управлении, и на отношениях к рабочим, и к местному населению. В русских заводах, не так изолированных, как Алтай, это влияние уже давно начало уступать общерусскому строю, но на Алтае оно еще недавно было почти всемогуще, выражаясь прежде всего в крайней замкнутости горно–чиновного элемента, который изображал из себя нечто вроде высшей расы, смотревшей на местный элемент, как на холопов, достойных презрения и кнута (до 1861 г. кнуты и розги были слишком обычным наказанием для мастеровых и нижних чинов).

Вместе с управлением исключительно привилегированное положение Алтайских заводов выразилось и в отношениях их к приписному населению для обязательных работ. С первого же года по переходе в Кабинет, заводы не встречали затруднения в рабочих людях; приписка к заводам крестьян Томского и Кузнецкого округов делалась едва не ежегодно и в 1761 г. все крестьянское население этих округов состояло уже в обязательных к заводам отношениях, чего не было даже на главных казенных заводах, работавших на флот и армию. На казенных и частных заводах постоянно нуждались в рабочих, особенно после реформы 1804 г. о «непременных работниках», когда от всех казенных и частных заводов было освобождено 217 тыс. рев[изских] душ м[уж.] п[ола] приписных крестьян и вместо них ко всем казенным и частным заводам приписано в «непременные работники» всего 17 850 душ. На Алтайских же заводах одних приписных крестьян в это время (1808 г.) было 64 948 рев[изских] душ м[уж.] п[ола].

Благодаря таким исключительно благоприятным условиям, горное дело на Алтае тотчас же по переходе заводов в Кабинет быстро начинает развиваться и по количеству добычи благородных металлов ставит этот округ в число первых в России и доставляет ему мировую известность. Все знаменитые путешественники прошлого и нынешнего столетия, направляясь в Сибирь, непременно проезжали чрез Алтай. Из приложенного в книге краткого перечня путешествий и исследований по Алтаю, мы видели, что Алтай посетили даже такие мировые ученые, как Гмелин, Паллас, Фальк, А. Гумбольдт, Ледебур, Радлов, Минье, Котта, Брем и многие другие. Начальники Алтая умели поддерживать славу своих заводов, очаровывая знаменитых путешественников своею предупредительною любезностью комфортом и роскошью, о которых поэтому ходили почти баснословные слухи не только в России, но и за границей.

От Демидова были отчуждены в 1747 г. три завода – *Колыванский*, *Барнаульский* и недоконченный постройкою *Шульбинский*. Этот последний, как заложенный на землях «ведомства Иртышских крепостей», не признали нужным достраивать, а потому он никогда не действовал. На содержание этих заводов в управление Беэра ежегодно отпускалось 60 тыс. руб. из канцелярии Сибирской губернии (25 т[ыс.] р. таможенного и 35 тыс. руб. из питейного и подушного сбора). Эти деньги распределялись так: 7 122 р. шло на жалованье (большая часть, вероятно, управителям и приказчикам) и 52 879 руб. вносились в уплату подушного оклада приписных к заводам крестьян (до 1761 г. подушные вносились и за мастеровых). При таких незначительных расходах, из которых в руки рабочих почти ничего не поступало, заводы с первых же годов имели значительную чистую прибыль. За 4-ле-

тие управления Беэра было добыто бликового серебра 756 п[уд.] 25 ф[унтов] 49 з[олотников] и лигатурного золота 6 ф[унтов] 41 з[олотник], и из них чистого серебра 653 п[уд.] 5 ф[унтов] 78 з[олотников] и золота 15 п[уд.] 1 ф[унт] 60 з[олотников]; первого на сумму 515 953 р. 74 к., второго – на 162 280 р. 79 к., или чистой прибыли в среднем ежегодно получалось 146 562 р.; это составляет более 244% на капитал!

После Беэра начальником в 1753 г. был назначен А.И. Порошин, но до 1761 г. он оставался при Кабинете, а заводами управляли *Христиани и Улих*, чистая годовая прибыль при которых возросла до 257 891¹/₂ руб. В это время один из приближенных к государыне, граф Шувалов, хотел выпротить заводы в аренду, но, по представлению заведывавшего тогда Кабинетом Олсуфьева, государыня объявила, «что Колывано–Воскресенские заводы отнюдь никому отданы не будут и останутся непременно самой Ее Величества собственно принадлежащими в непосредственном ведении и управлении Кабинета». В управление Христиани в конце 1759 г. в Кабинет был взят казенный *Ирбинский* железоделательный завод, находившийся в Красноярском уезде и построенный в 1738 г. для снабжения железом Лунганского медеплавильного казенного завода, закрытого в 1745 г. С самого основания Колыванские заводы пользовались железом и другими недостающими припасами с Екатеринбургских заводов, что обходилось очень дорого; кроме стоимости железа, которое покупалось по продажным ценам, одна перевозка обходилась по 46¹/₂ к. с пуда. С переходом Ирбинского завода в Кабинет предполагалось сократить стоимость перевозки на 22¹/₂ к. в пуде.

Из года в год увеличивающаяся добыча серебросвинцовой руды из баснословно богатого Змеиногорского рудника, а также дешевизна добычи и доставки руды и горючих припасов при излишестве крепостных рабочих рук (до 30 тыс. душ муж. п[ола]), дает возможность начальнику *Порошину* (1762–1768) построить два новых завода *Павловский* сереброплавильный (1763–[17]64 гг.) и *Сузунский* (1765–1865 гг.) медеплавильный с монетным двором; и на прочих заводах выплавка серебра была увеличена, а в 1768 г. начали проплавливать серебряные руды и на Сузунском заводе. За истощением лесов *Колыванский* завод в это время уже работал мало и его еще в 1759 г. предположено было закрыть, но пока не были выстроены новые заводы до 1766 г. он продолжал работать. Управление Порошина замечательно в летописях русской техники тем, что в Барнауле горным механиком Ползуновым была изобретена первая машина для воздуходувных печей. Проект машины был утвержден Порошиным и она в 1766 г. была окончена постройкой, но была недолго в действии. За смертью в этом же году изобретателя как машина, так и самый принцип ее устройства были забыты.

Ползунов, может быть, по справедливости назван предтечею Уатта¹. С 1763 г. на заводы отпускалось уже 120 тыс. руб., в уплату которых с 1766 г. начала поступать выделанная на Сузунском заводе монета. К чеканке медной монеты приступлено единственно ввиду того, что сбыт меди с Алтая убыточен, и «канцелярии горного начальства в 1763 г. повелено рассмотреть, не можно ли из той наличной и впредь добываемой меди при заводах делать новоучрежденные деньги в замену 120 тыс., определенных на содержание из комнатной суммы». До 1780 г. монета называлась *сибирскою*, имела сибирский герб – два соболя – и могла ходить только в пределах Сибири. Из каждого пуда меди повелено чеканить 25 руб. монеты разного достоинства: 10 к., 5 к., 2 к., 1 к., денежка и полушка. Такая сравнительно высокая стоимость сибирской медной монеты перед екатеринбургскою, где из пуда меди чеканилось монеты только на 16 руб., объяснялась тем, что сузунская медь содержала в себе значительное количество серебра и золота, которых тогда еще не могли отделить. С конца 1781 года чеканка монеты с сибирским гербом была прекращена и повелено печатать общерусскую монету одинакового с екатеринбургскою достоинства из пуда меди 16 руб. Всего сибирской монеты с 1766 г. по 1780 г. было выпущено: 10-копеечной на 2 509 480 р. 50 к.; 5-коп[еечной] – 9 131 73 р. 55 к.; 2-коп[еечной] – 214 793 р. 60 к.; копеечной – 103 402 р. 91 к.; денежек – 39 429 р. 71½ к.; полушек – 19 351 р. 60 к., а всего на 3 799 661 р. 93½ к. При таком обороте горного дела на Алтае прибыли его возросли в громадной степени. В 10-летнее управление Порошина средняя годовая прибыль от одного золота и серебра достигла 575 111½ руб., а принимая во внимание и монетную прибыль, – 630 653 руб. в год. Порошин был первым начальником из русских на Алтае и, будучи достаточно образованным для того времени, имел возможность узнать управляемый им край лучше, чем кто-либо из его предшественников и преемников. На Алтай он прибыл еще с комиссией Беэра и оставался тут сослуживцем этого последнего до 1750 г., когда он был командирован в Кабинет по управлению алтайскими же делами; в 1753 г. он был назначен начальником Алтая, но до 1761 г. оставался при Кабинете. Порошину в[о] многом обязана своей подготовкой следующая затем блестящая эпоха Ирмана.

При *Ирмане* (1769–1778 гг.) деятельность по открытию новых рудников и постройке заводов расширяется еще более, а с этим вместе в громадной степени возрастают и доходы Кабинета. В 10-летнее его управление были выстроены и пущены в действие два новых завода. В 1769 г. доставка железа с Ирбинского завода на Алтай признана убыточною, а пред этим в

¹ За свое изобретение Ползунов, бывший в чине шихтмейстера, получил звание техника, чин капитан-поручика и награды 400 руб.

Кузнецком окр. были найдены богатые залежи железной руды, почему в этом году Ирбинский завод был возвращен в казну, а в 1771 году построили и на следующий год пустили в действие собственный железоделательный *Томский* завод, который находится ближе к сереброплавильным заводам. В 1775 г. был построен небольшой завод Алейский без плотины, действующий посредством флютвера, имевший всего 3 печи. Назначение его состояло в выплавке свинца, недостающее количество которого до того времени на сереброплавильные заводы доставлялось с кабинетских Нерчинских заводов; а так как «на доставку его ежегодно употребляется знатная сумма», то канцелярия Кольв[ано]–Воскресенских заводов решила построить особый завод и выплавлять на нем убогие по количеству серебра свинцовые руды Змеиногорского и Семеновского рудников. Таким образом, к концу управления Ирмана на Алтае были уже следующие заводы: Барнаульский, Павловский сереброплавильные, Сузунский серебро– и медеплавильный, Алейский свинц[овый] и Томский железоделательный. В это время горная механика на Алтае, благодаря Фролову, управителю Змеиногорского рудника, достигла значительного совершенства. Фроловым впервые были применены водяные колеса для выкачивания из рудников воды. Своими машинами он сделал возможной работу на рудниках, уже давно затопленных на значительной глубине. Его машины начали применять и на прочих рудниках. Он служил при нескольких начальниках на Алтае и был одним из влиятельнейших членов Горного совета. Производство серебра и золота при Ирмане достигает громадных размеров, средняя ежегодная добыча золота 9 п[уд.] 2 ф[унта] 3 л[отник] и 1 072 п[уд.] 12 ф[унтов] и 19 з[олотников] серебра, а в 1774 г. добыча серебра доходила даже до 1 136 $\frac{1}{2}$ п[уд.]; ежегодная чистая прибыль достигла 1 162 851 руб., да от чеканки монеты 251 256 рублей. Это был кульминационный пункт производительности в прошлом столетии. Впрочем, под конец его управления добыча серебра заметно понизилась, с 1 136 $\frac{1}{2}$ п[уда] (1774 г.) она пала в 1778 году до 809 $\frac{1}{4}$ п[уда]. Последовавший после Ирмана Высочайший манифест, ограничивавший обязательную работу приписных крестьян определенными положениями, угрожающий заводоуправлению строгими взысканиями за каждое несправедливое и несвоевременное обременение крестьян работами, а также и дальнейшие инструкции из Кабинета Алтайскому горному начальству по поводу этого, дает основание думать, что блестящие результаты деятельности Ирмана легли тяжелым бременем на приписное население округа; тем более, что, повысив добычу против предшествовавшего периода почти вдвое, годовое содержание заводов осталось прежнее 120 тыс. руб. Это время как раз совпадает с наибольшим процветанием Беловодья или Камня (в верховьях Катуня и Бухтармы на Алтайских горах), куда бежали и

жили неведомо от русской администрации многие алтайские мастеравые и приписные крестьяне, где находили приют также и беглецы из России.

При следующем начальнике *Меллере* (1779–1784) производительность заводов сразу пала, хотя в это время было открыто новое месторождение руд, *Салаирское* (1781), мощное по количеству их, но бедное по содержанию серебра, и был выстроен и пущен в действие новый сереброплавильный завод *Локтевский* (1782–1783). В предыдущем обзоре Алтайского управления мы уже видели коренную причину упадка заводов. Как сам Меллер, так и министр финансов Васильев объясняли это сокращением власти горного начальника чрез введение коллегиального управления, а, главное, выделением хозяйственно-административного управления приписными крестьянами из ведения горного начальства. К этому нужно прибавить и то, что обязательный труд приписных крестьян с 1779 г. сокращался и был строго охраняем манифестом от излишнего произвола горного начальства. Только одно это обстоятельство на первых порах, по нашему мнению, могло значительно сократить заводскую производительность и самую прибыль Кабинета. С прежних 1 072¹/₄ п[уд.] серебра и 9 п[уд.] золота ежегодная добыча этих металлов при Меллере понизилась до 634 п[уд.] 2 фун[та] серебра и 1 п[уд.] 19 фун[тов] золота, а в 1782 г. она доходила даже до 400 п[уд.] 13 фун[тов] серебра. Соответственно этому, конечно, понизились и прибыли Кабинета.

С назначением *Качки* (1786–1798), а, главным образом, с возвращением к старым порядкам управления с восстановленною прежнею властью горного начальства, производство заводов начало быстро расширяться и расти. Инструкцией заведующего Кабинетом Соймонова, данной Качке, на содержание заводов теперь назначалось вместо 150 т[ыс.] руб. 350 т[ыс.] руб., из которых 150 тыс. руб. предполагалось получать от чеканки медной монеты, и 200 т[ыс.] руб. назначалось из Кабинета. В первые же годы обязательная добыча серебра (наряд) установлена для заводов в 780 пуд., а чтобы поощрить заводоуправление к большей против положенного наряда выплавке, Кабинет обещал за каждый лишний пуд серебра 500 руб. приплаты на содержание заводов. Эпоха управления Качки и его преемников *Чулкова* (1799–1806), *Бера* (1807–[180]9) и *Эллерса* (1810–1816) по лихорадочной деятельности заводов и по своим открытиям не менее замечательна, чем эпоха Ирмана. Во время Качки на приостановленном Кольванском заводе с 1789 г. снова началась выплавка серебра; в начале [17]90-х годов начат постройкой и в 1795 г. пущен в действие новый сереброплавильный завод *Екатерининский*, который потом был переименован императрицею в Гавриловский, по имени основателя его Гавриила Качки. В 1786 г. по представлению Соймонова при Локтевском заводе была построена *шлифовальная*

фабрика, для обработки дорогих камней (разных яшм, агатов, порфиров, мраморов, гранита, брекчии и пр.) в изобилии найденных, как в это время, так еще и ранее при р. Коргоне, где в 1752 г. предполагался постройкой новый завод, но вместо него чрез 12 лет был выстроен Павловский в другой стороне; в 1800 г. выплавка серебра на Колыванском заводе была снова прекращена и Локтевская шлифовальная фабрика была перенесена сюда. Для ломки камней сюда были выселены в особые деревни каменщики. Две таких деревни, Коргон и Сентелек, посетили Спасский (1816 г.) и Ледебур с Мейером (1826 г.). Лучшими ломками ныне считаются Коргонская, Беловодская, Ревневская и Риддерская. За год пред этим по недостатку лесов был закрыт и Алейский свинцово-плавильный завод. Но вместо упраздненных Колыванского и Алейского заводов в 1804 и [180]5 году построен новый сереброплавильный завод, *Змеевский*, у самого Змеиногорского рудника, служившего до сих пор главным поставщиком серебряных руд на все заводы. Но главное, чем может гордиться эпоха управления Качки, это открытием двух богатых рудников *Риддерского* (1786 г.) и *Зыряновского* (1791 г.), из которых второй после истощения Змеиногорских рудников уже давно сделался главным поставщиком самой богатой серебряно-свинцовой руды, на которой держатся теперь все заводы Алтая. Риддерский по мощности залежей руд также один из благонадежнейших рудников, но по содержанию в нем серебра он много уступает другим, хотя и менее мощным, но более богатым серебром. Не менее чести этому времени делает и то, что в Томском заводе одна из печей (воздухоудная для расплавки чугуна) нагревалась уже *каменным углем*, который добывался в 45 верстах по р. Томи в том же Кузнецком округе. «Уголье каменное, – говорил Герман, – находится в сих местах в немалом количестве». К сожалению, у Германа нет подробных указаний о времени открытия, начале разработки и ежегодной эксплуатации залежей каменного угля. Есть лишь указание, сколько угля насыпалось в печь при плавке чугуна. В первую плавку, продолжавшуюся 6 часов, насыпалось чугуна 60 пуд. угля до 150 пуд., на следующую 3-часовую плавку чугуна шло 40 и кам[енного] угля 75 пуд., а людей во время действия задолжалось 2 ч[ел.]. При Качке и его преемниках высоко стояла и горная механика, поставленная упомянутым Фроловым, который был еще жив, состоял управителем Змеиногорского края. Добыча серебра при Качке быстро возросла; уже на пятый год своего управления с 600¹/₂ пуд. (1785 г.) она поднялась до 1 050¹/₄ п[уд.] (1789 г.), что получалось только в исключительные годы управления Ирмана. Средняя ежегодная прибыль от металлов теперь поднялась до 700 тыс. руб. с лишком.

Семилетний период управления *В.С. Чулкова*, второго из русских начальников на Алтае, по добыче металлов был кульминационным моментом

во всей полуторавековой истории горного дела на Алтае. При нем средняя годовая добыча серебра достигла 1 153 п[уд.] 13 фун[тов] 25 зол[отников], чего никогда не было ни до, ни после него. При нем, как мы сказали уже, был закрыт Колыванский завод и выстроен новый Змеевский.

Постановка дела, данная горной промышленности этими двумя начальниками, продолжала развиваться и при следующих. При Бере с 1807 года на содержание заводов отпускается уже 635 тыс. [руб.] ежегодно. Значительное увеличение заводских расходов объясняется возрастающими из года в год приплатами заводов по доставке рабочим хлеба за определенную еще в 1786 г. цену 25 коп. за пуд муки. Рыночные цены были выше 25 к. В докладе министра Васильева, откуда мы берем эти сведения, говорится: «в 1782 г. из заготовленного хлеба отпускается мастеровым каждому по 2 пуда муки и 5 ф[унтов] крупы в месяц как на них самих, так и на их семейства за истинную казенную цену. А как при разных рудниках и заводах цены провианту были разные, оклады же мастеровых как во всех, так и в других местах одинаковы, то для уравнивания их определено было в 1786 г. отпускать нижним служителям и на их семейства, получающим не более 40 руб. годового жалованья, по 25 к. за пуд. Но, как цены более возвысились, то [в] 1787 г. определено одним действительно служащим выдавать по 25-копеечной цене провиант, а на их семейства по сложной истинной цене. Поелику же в одних местах провиант покупался по 30 коп., а в других по 17 коп., то через 25-копеечную выдачу провиантная сумма была уравнена с некоторым излишеством». Весьма вероятно, что цены на хлеб потом возросли, вследствие того, во 1-х, что население с возрастанием заводской производительности все менее и менее располагало свободным для сельского хозяйства временем, а, во 2-х, и вследствие изменения общих условий, отражавшихся вздорожанием всех предметов потребления и понижением цены денег. Вместе с поднятием цены на хлеб у заводов число рабочих от часто повторявшихся рекрутских наборов увеличивалось. Таким образом, скоро не только не было «некоторого излишества» от взимания 25 к. за пуд с мастеровых, но оказывался дефицит, который и ложился на производство заводов. Эта цена оставалась до 1828 г., когда рабочим (без их семей) провиант начал выдаваться уже бесплатно. На казенных заводах Урала бесплатная выдача провианта и притом как рабочим, так и их семьям, началась еще с 1799 г. Вскоре после 1807 г. заводские расходы достигли 785 т[ыс.] руб. и кроме того назначалось ежегодно по 75 т[ыс.] руб. на увеличение заводских припасов до двухгодичной пропорции. В 1812 г. Горный совет снова просит новых 300 т[ыс.] руб. «вследствие быстрого повышения цены на все припасы»; в следующем году Кабинет дает эти 300 тыс. руб., но с тем, чтобы на содержание заводов было прибавлено лишь 180 т[ыс.] руб., а

остальные 120 т[ыс]. р. пошли на увеличение заводских припасов и выдачу их прекратить, когда требуемая заготовка будет кончена и цены понизятся. Через несколько лет, вследствие неурожая, Кабинет должен был добавить еще 300 тыс. руб. уже прямо на продовольствие горнозаводских людей. В конце управления *И.И. Эллерса* был построен и пущен (1815–[18]16 гг.) в действие новый сереброплавильный завод *Гурьевский*, на котором в 1819 г. были устроены домна и печи для плавки чугуна и выделки железа; с 1844 г. выплавка серебра на нем была совсем прекращена и завод сделался исключительно чугуноплавильным и железоделательным, будучи перестроен почти заново в 1846 – [184]7 г[г.] С 1873 г. взамен древесного топлива здесь был введен каменный уголь. Конец управления Эллерса может быть отмечен еще совершенно новой попыткой постройки *рельсового пути* с[о] Змеиногорского рудника на Змеевский завод (2¹/₂ в[ерсты]) для доставки руд. Дорога эта была закончена при следующем начальнике *П.К. Фролове* (1817–1829 гг.) и обошлась в 6 т[ыс.] р. каждая верста. Фролов был первый из алтайских начальников, соединивших после Сперанской реформы Сибирских управлений (1822 г. до 1864 г.) в своих руках и гражданское управление всею Томскою губерниею. В воспоминаниях старожилов эпоха Фролова рисуется как эпоха строгих, но и справедливых порядков в административном управлении. Память о нем сохранилась больше всего как об администраторе-хозяине, чем об устроителе горного дела. В его 13-летнее управление, кроме прекращения плавки серебра в Сузуне и с 1827 года увеличения чеканки монеты с 250 т[ыс.] р. до 350 т[ыс.] ежегодно, не было никаких серьезных реформ в горном деле. При нем после закона 1822 г. административно-хозяйственное управление приписными крестьянами хотя и оставалось в косвенном ведении горного начальства, но было выделено в особое управление с земскими управителями, которые, назначаясь горным начальством, теперь являлись уже ответственными пред земским судом, членами которого они состояли по своей должности; а земской суд теперь уже всецело находился в ведении гражданского управления. Это не была полная реформа в духе 1779–[17]85 гг. (при Меллере), но, тем не менее, давала уже приписным крестьянам некоторые гарантии на возможность обжалования несправедливых действий горного начальства у полунезависимых инстанций (начальником горного округа и гражданского управления было одно и то же лицо). При Фролове средняя годовая производительность заводов пала до 1 000 п[уд.] серебра и в этом обстоятельстве весьма возможно усмотреть последовательность тех же причин и следствий, которые были при недолголетней реформе во время Меллера. Закон 22 июля 1822 г. впервые точно устанавливает, что «все земли, равно озера и реки, находящиеся на пространстве, занимаемом селениями приписных крестьян,

заводами, рудниками, приисками, ломками цветных камней и другими казенными зданиями, также Алтайские горы, лежащие между Бийскою линейною дорогою и Китайскою границею, принадлежат ведомству Колывано-Воскресенских заводов. Леса, растущие на всем означенном пространстве, также принадлежат ведомству заводскому» (ст[атья] V, пун[кты] 5 и 6). В 1828 г. это подтверждено, а в 1838 г. была установлена законодательным порядком и территориальная граница Алтайского округа. В 1830 г. Алтайские заводы, кроме шлифовальной фабрики в Колывани, переданы в ведение министра финансов, но от этого ни владение заводами, ни управление ими не изменилось. Теперь Кабинет, вмешиваясь в хозяйство заводов, получал от министра финансов как бы ежемесячную аренду за определенные по годовому наряду в 1 000 п[уд.] бликового серебра, за исключением расходов на заводы, и свой отчет об управлении министр подавал уже прямо государю. Этот порядок продержался до 1855 г.

Почти одновременно с этим, после смерти Фролова был назначен начальником округа *Е.П. Ковалевский* (1830–[18]35), в год утверждения которого на Алтае были открыты первые *золотые россыпи* при рч. Фомихе, где и был устроен *Егорьевский* прииск, разрабатывающийся и поныне. При нем производительность заводов по добыче благородных металлов опять заметно повышается, дойдя в 1832 г. до 1 046¹/₄ пуд. серебра.

После него при четырех последующих начальниках, при *Н.А. Шленеве* (1836–[183]7), *Ф.Ф. Берге* (1838–[18]40), *С.П. Татаринове* и *П.П. Аносове* (1847–[18]50) производительность заводов постепенно падает и при Аносове ежегодная добыча серебра дошла до 1 000³/₄ п[уд.] (см. таблицу «добыча серебра и золота»). В судьбе заводов за это время произошло мало перемен: несколько раз прекращалась и восстанавливалась плавка серебра на Сузунском заводе, на котором с 1848 г. совершенно прекращена чеканка монеты; а в 1844 г. прекращена, как указано выше, и плавка серебра на Гурьевском заводе. В это время произошли серьезные преобразования в положении *горных школ* (1836 г.) и *горнорабочих людей* (штаты 1849 г.). (Подробно: «Горн[ые] школы» стр. 328 и «Положение рабочих»). Последнюю реформу в экономическом обеспечении рабочего населения мы считаем шагом вперед, несмотря на видимое по штатам сокращение заработной платы. Выдачей бесплатного провианта не одним рабочим, а также и их семьям¹, это узаконение впервые обеспечило все горнозаводское население, не имевшее до тех пор ни достаточной платы от заводов для прокормления своих семей, ни частных заработков. И влияние этой рефор-

¹ Исходатайствование этой весьма важной реформы обеспечения бесплатным провиантом всего горнозаводского населения старожилы приписывают бывшему горному начальнику Л.А. Соколовскому, о котором в населении сохранилась память как о самом кротком и справедливым начальнике.

мы благоприятным образом сказались не только на положении рабочих, но и как следствие этого, – на самих заводах, опять начав поднимать их производительность. Безденежная выдача провианта не увеличивала расходы Кабинета. По этим штатам расходы заводов были определены в 827 743 р., т.е. были те же, что и в 1813 г. и даже менее, чем были пред 1828 г. При следующих двух управлениях еще крепостного периода при *В.А. Бекмане* (1851–1857) и *А.Д. Озерском* (1858–[18]63) ежегодная выплавка серебра поднялась до 1 008^{1/4} п[уд.] при первом и 1 014^{1/2} [пуд.] – при втором. В горном деле в это время произошли следующие открытия и изменения. В 1851 г. в 34 в[ерстах] от Гавриловского завода были найдены богатые залежи *каменного угля* – *Бачатские копи*, которые продолжают разрабатываться и поныне. После этого открытия Гавриловский сереброплавильный завод был переведен с древесного на каменноугольное топливо¹, а с 1873 г. к каменному углю перешел и Гурьевский завод, заменив кричное производство пудлинговым. Далеко позднее вблизи Бачатских копей стали разрабатываться *Соснинские и Беловские* каменноугольные копи. В 1855–1856 годах при Гурьевском заводе была построена механическая фабрика. В управление же Бекмана в 1855 году заводы опять перешли из министерства финансов в ведение Кабинета. Из Высочайшего указа по передаче видно, что на содержание заводов в этом году было определено 916 178 рублей, из которых 259 714 рублей шли из кабинетских сумм, а 656 464 рублей из государ[ственного] казначейства с тем, однако, условием, чтобы по доставке металла на монетный двор эта сумма возвращалась в госуд[арственное] казначейство, а излишек от обращения металла в деньги, за исключением этих расходов, поступал уже в Кабинет. За неимением у Кабинета оборотного капитала для содержания заводов, этот порядок годового кредита из государственного казначейства оставлен еще на несколько лет, пока не образуется достаточный оборотный капитал (Горн[ый] устав, ст[атья] 1690, примеч.).

При Озерском в 1861 г. на Алтае произошла та величайшая реформа освобождения мастеровых и приписных крестьян, которая положила неизгладимую черту между прежним крепостным и последующим свободным трудом населения, реформа, которая имела важные последствия столько же для заводов, сколько и для рабочих. О влиянии ее мы еще будем говорить несколько раз впереди; теперь же упомянем лишь о том, что наиболее сохранилось в памяти старожилков об этом светлом моменте в истории крепостного люда. О воле среди рабочих ходили упорные слухи уже за–

¹ С этим переходом стоимость добычи серебра уменьшилась; по штатам 1849 г. на Гаврилов[ском] з[аводе] пуд блик[ового] серебра стоил 780 р. 21^{3/4} к., а на прочих заводах – 449 р. 72 к. (Йосса), ныне, как увидим дальше, эти числа изменились в обратную сторону.

долго до этого времени, хорошенько неизвестно, откуда шли эти слухи, но ничего нет невероятного предположить, что они были отражением общего настроения, которое передавалось и чрез служащих, имевших посредственные и непосредственные (письма и поездки на караванах с металлами в Петербург) сношения с самым центром, где происходила тогда выработка этой грандиозной реформы, и чрез торговые сношения Алтая с Уралом и, наконец, в Сибирь эти слухи могли заноситься ежегодными партиями арестантов-ссылных, среди которых, конечно, было много и таких, которые являлись последними невольными жертвами того строя, над ликвидацией которого по воле монарха работали все лучшие русские люди того времени. Говорить о глубине радости, восторга и умиления, с которыми была встречена милость Царя-Освободителя, значило бы только повторять все те единодушные заявления современников о радостном настроении всего русского крепостного населения при встрече воли. Жажда перемены своего состояния была настолько сильна, что никто не хотел оставаться в прежнем положении, несмотря на то, что в видах сохранения прежнего производства заводоуправление и предполагало некоторым рабочим, из имевших право на вольнонаемный труд, остаться на прежних окладах и условиях крепостной службы, обещая им за это в будущем преимущества отставных служащих. Нужно заметить, что освобождение было окончено в 3 года: в 1861 г. освобождались все те мастеровые, которые к этому времени прослужили 20 л[ет], в 1862 г. освобождались прослужившие 15 л[ет] и, наконец, в 1863 г. – все остальные. Не хотели оставаться даже и те, которые могли получить преимущество полной отставки за один месяц крепостной службы во время освобождения. Многие рабочие из рекрутов сейчас же кинулись в те селения, откуда они были взяты, продавая за бесценок свои дома и хозяйство. Потом многие из них принуждены были возвратиться в горнозаводские селения вследствие того, что между их прежним положением – земледельцев и настоящим – горнорабочих, забывших сельскохозяйственный труд, успела лечь уже неизгладимая черта.

Как в крепостной России, так и на Алтае освободительная реформа не прошла без некоторых грустных недоразумений. Крестьяне Бердской вол[ости] Барнаульского окр. отказались платить подати, и для их усмирения была выслана военная команда под начальством оф[ицера] Духовецкого.

Из этой освободительной реформы память старожилов останавливается с особенною любовью лишь на одном лице, Б.А. Иваничком, бывш[ем] управляющем Барнаульского завода. Ему приписывают более льготное истолкование манифеста о сроках освобождения мастеровых. Этим обстоятельством старожилы объясняют возникшие недоразумения между

глав[ным] начальником Озерским и Иваницким, вследствие чего они оба вскоре после введения реформы были вызваны в Петербург и вышли в отставку.

После окончания реформы с января 1864 г. начальником вступает *А.Е. Фрезе* (1864–[18]70), которому теперь пришлось приспособлять горную производительность уже к другим условиям; вместо дешевого крепостного труда с безусловным подчинением рабочих горному начальству, нужно было вводить труд вольнонаемный при полной личной свободе рабочего. До какой степени сразу эти условия изменились в пользу рабочего, видно из помещаемых ниже («Полож[ение] рабочих») таблиц о рабочей плате при крепостном труде и в первый свободный 1864 г. То, что прежде получали в год, теперь получали в месяц и в дополнение к этому – личная свобода выбора труда и условий найма, гарантированные общими гражданскими учреждениями равно одинаковыми для всех. Результатом этого, помимо возросших в громадной степени расходов стоимости производства, была скоро обнаружившаяся невозможность поддерживать те двойные, а иногда и тройные запасы руд и горючих материалов, которые при крепостном труде имелись при рудниках и заводах, невозможность делать тех обширных изысканий руд, которые до того происходили правильно. Ниже в отделе о рудниках мы увидим, что открытие всех существующих ныне и сколько-нибудь благонадежных рудников принадлежит крепостному периоду. К тому же периоду относятся и едва не все наиболее обширные научные исследования Алтая, предпринимавшиеся как Кабинетом, так и отдельными учеными. При переходе к вольнонаемному труду, Кабинет впервые сделал анализ и расчет тех прибылей, которые получались от заводов при крепостном труде. Обязательным трудом одних приписных крестьян в 1860 г. доставлялось на заводы 85 т[ыс] саж[ен] куренных дров, 270 тыс. коробов угля и 4 100 тыс. пуд. руды, а всего по весу до 10 мил[лионов] пуд., из которых только 1 мил[лион] пудов доставлялся урочниками (те же крепостные). «Заводские работы стоили самим крестьянам, – читаем в докладе Кабинета, – не менее 5 руб. на душу, не считая платы, которую выдавала казна». А эта плата определялась величиной подушных податей, которые в это время были 2 р. 29 к., а число крестьян, приписанных к работам, было 133 910 душ. Следовательно, помимо платы Кабинет имел чистой прибыли от всех приписных крестьян 669 550 руб. ежегодно. Благодаря этому обстоятельству, как объясняет далее цитируемый нами доклад, Кабинет имел от заводов ежегодной прибыли от 1 мил[лиона] до 1 100 тыс. руб. (среднее за 10-летие 1850–[18]59 гг.). Таким образом, с освобождением приписных крестьян заводы сразу лишились 670 тыс. руб. Этот доход Кабинета, как далее увидим, был перенесен на крестьян в виде оброчных платежей

(4 р. 50 к. в Кабинет и 1 р. 50 к. в казну) и, следовательно, теперь он из чисто заводского дохода должен быть исключен. После этого исключения Кабинет предполагал иметь от заводов ежегодного чистого дохода не более 363 тыс. руб.; но в определении этой суммы, являвшейся разностью из прежнего общего в 1 мил. дохода и поступлением оброчной подати (4 р[уб]. 50 к[оп]. на душу, а всего 637 тыс. руб.), было упущено из виду то, что эти 363 т[ыс]. р[уб]. прежнего чистого дохода собственно от заводов получались при горнорабочих, бывших в полной крепостной зависимости. С переходом к вольнонаемному труду, очевидно, этот доход должен был совсем измениться. И, действительно, он изменился и в такой степени, в какой первоначально не предвиделось.

При начале вольного труда производительность заводов решено было поддерживать на прежней высоте и для этого представлялась полная возможность, имея уже в заготовке громадные запасы заводских материалов, благоустроенные рудники и заводы, широко поставленные прежние разведочные работы. И, действительно, до 1869 г. заводы держались на прежней высоте по выработке металлов; это видно из следующей таблицы о добыче за последние годы до реформы и за следующее время вольного труда:

Годы	Золота			Серебра			Свинца	Меди	Чугуна
	пуд.	фун.	зол.	пуд.	фун.	зол.	пуды.	пуды.	пуды.
1859	42	19	82	1 085	7	39	4 145	31 000	90 376
1860	33	10	84	1 060	9	2	53 637	32 002	97 789
1861	26	1	50	964	1	82	49 316	30 000	74 800
1862	19	39	87	1 029	24	52	5 3491	38 120	79 794
1863	21	15	29	1 044	29	51	64 903	33 000	24 156
1864	25	25	5	1 061	5	57	79 682	30 000	34 451
1865	29	12	84	1 058	9	31	87 858	33 000	47 220
1868	17	14	31	1 081	28	76	9 7021	33 197	21 220
1869	17	10	–	717	31	10	55 529	33 624	23 555
1870	19	26	13	802	4	65	70 613	34 786	26 190
1875	12	35	–	534	11	70	52 977	27 530	31 671
1880	11	39	18	506	27	9	50 390	28 678	6 000
1883	4	29	79	368	12	17	17 305	14 015	23 000
1885	9	7	30	538	20	93	3 173	24 605	106 997
1887	16	1	81	661	38	11	31 117	16 240	133 302
1889	–	–	–	652	9	23	6 728	33 747	112 021

Так как производительность Алтайских заводов сосредоточена, главным образом, на выплавке серебра (добыча остальных металлов шла до сих пор в зависимости от ежегодной выплавки серебра), то из таблицы мы видим, что в начале вольного труда заводы держались на прежней высоте, и только в первый год реформы при естественных в это время затруднениях по новому устройству быта как части мастеровых, так и всех приписных крестьян, производство испытало некоторые колебания, понизив выплавку серебра на 96 пуд. сразу. Для поддержания прежней выплавки заводы должны были теперь проплавлять наиболее богатые руды, с высоким процентным содержанием серебра. К сожалению, неизвестно, получались ли в эти годы, несмотря на искусственную поддержку прежней выплавки, предположенные Кабинетом 363 тыс. руб. ежегодной прибыли от металлов. Расчеты о стоимости производства в позднейшее время, после [18]60[-х] годов, дают основания в этом сомневаться.

Высокая производительность не могла долго продержаться; заготовленные при крепостном труде припасы истощились, заводы требовали значительного ремонта и, кроме того, приходилось проплавлять руды низкопроцентные; все это вместе взятое, а, главным образом, дорогой вольный труд в 1869 г. побудили понизить и саму выплавку металлов. Понижение произошло быстрое, с 1 081¹/₂ п[уд.] (1868 г.) выплавка серебра сразу пала до 717³/₄, или на 33,7 %. *Томский* (желез[ноделательный]) завод должны были прикрыть еще в 1864 г., а железноделательное производство, несмотря на увеличивающийся спрос на железо для вольной продажи, особенно с открытием переселения (1865), должны были сосредоточить в одном Гурьевском зав[оде]. С этого времени не могло быть и мысли о поднятии выплавки серебра до прежней высоты; все заботы ограничивались тем, чтобы удержаться хотя бы на ежегодной добыче в 700 пуд. серебра, но и это было напрасно, в [18]70[-х] годах ежегодная выплавка с незначительными колебаниями держится на 600 пуд., а в начале [18]80-х она быстро из года в год понижается, дойдя до 368¹/₄ п[уд.] в 1883 г., такой ежегодной выплавки не было более столетия, со времени управителей Улиха и Христиани. В [18]70-х годах металлы дают уже убыток, который в 1881 г. доходил до 170 тыс. руб. Понижение производительности и убытки в это время объяснялись и злоупотреблениями в Алтайском управлении, достигшими в управление *Ю.И. Эйхвальда* (1871-[18]81) таких размеров, что на Алтай по Высочайшему повелению в 1882 г. была назначена ревизионная комиссия, а в 1883 г. как система, так и личный состав управления подверглись коренному изменению. Коллегиальное Алтайское горное правление упразднено и учреждено Алтайское горное управление с единоличною властью начальника. Прежний Горный совет из управителей заводов и рудников, собиравшийся ежегодно раз для выработки сметы на заводские действия, был пока

оставлен, но в 1890 г. и он был упразднен. Злоупотребления и наибольшее понижение производительности как раз совпали с учреждением здесь в 1871 г. отделения контроля Министерства императорского двора. При Эйхвальде лучшие золотоносные площади округа, изъятые до сих пор из частной эксплуатации, в 1880 г. были отданы в аренду В.И. Асташеву и К°, чрез год контракт был заключен на новые площади и с другой золотопромышленной компанией Мальцева и К°. С середины [18]60[-х] гг., несмотря на воспреещение Кабинета, Алт[айское] управление допустило открытие на Алтае больших огнедействующих заводов Платонова, Пранга, Функа.

В управление *А.А. Смирнова*, продолжавшееся один 1882 г., заводы находились в состоянии, близком к закрытию.

При измененной системе управления и личном обновлении его с *Н.И. Журина* (с 1883 г.) производительность заводов резко изменяется, повышаясь до состояния ее в [18]70-х годах. С 1886 года начинается снова выплавка серебра на Сузунском заводе, где она не возобновлялась с [18]30-х годов. В последние годы начинают приводиться некоторые из предположений бывшей в 1882 г. комиссии о закрытии заводов, наиболее удаленных от рудников и леса, и сосредоточение производства на меньшем количестве заводов, лежащих в центре этих необходимых заводских припасов. С 1887 г. перестали разрабатываться медные рудники Таловский и Греховский 2-й, в следующем году руд[ник] Чудак, а в 1890 г. – Белоусовский, так что из медных рудников остался один Сугатовский, на котором будет производиться лишь добыча флюсов. Из заводов предположено закрыть Сузунский, Павловский и Змеевский, а в отдаленном будущем и, быть может, Барнаульский; главная деятельность сосредоточится в Локтевском заводе, как ближайшем к оставшимся лесам и рудникам, и на Гавриловском, как имеющем вблизи каменный уголь, и Салаирские рудники. Однако до середины 1890 г. к закрытию ни одного из этих заводов еще не приступлено. Первыми будут закрыты Сузунский и Змеевский заводы. Подняв производительность, новое управление, однако, не может решить пока другой задачи, которая ему поставлена, – удешевить производство и вывести заводы из хронического дефицита. Даже с 1885 г., с которого производство встало на твердую почву, имея ежегодно достаточные и своевременные заготовки заводских материалов, убытки, получаемые с металлов, продолжают. В 1885 г. они были 26 897 р., в [18]87 – 111 104 руб., в [18]89 – 122 668 руб.; в это время содержание заводов обходилось к 1885 г. – 1 717 351 руб., а в [18]87 г. – 1 353 624 и в [18]89 г. – 1 858 132 р., здесь не входят расходы по другому хозяйству Кабинета – земельному, лесному, по взиманию сборов с золота, винокурения, солепромышленности и пр. Эти отрасли хозяйства, кроме солепромышленности, явились уже после крепостного права.

В заключение своего обзора истории управления и общего развития горного дела на Алтае мы считаем не лишним приложить таблицу, из которой рост горной производительности будет виден за все время существования ее на Алтае. В таблице представлена средняя годовая выплавка золотистого серебра и добыча рудного, а с 1830 г. и россыпного золота, а также вся стоимость этих металлов за управление каждого начальника округа.

В УПРАВЛЕНИЕ	ЕЖЕГОДНАЯ ДОБЫЧА						По переделной цене стоимость всей добычи серебра и золота рубли
	СЕРЕБРА			ЗОЛОТА			
	пуд.	фун.	зол.	пуд.	фун.	зол.	
1723–1746 А.Н. Демидова	44	6	21	–	–	–	36 919
1747–1750 А.В. Беэра	189	6	36	–	–	–	678 235
1751–1761 Христиани и Улиха	299	39	36	1	4	57	3 517 061
1762–1768 А.И. Порошина	598	27	26	6	27	55	5 793 440
1769–1778 А.А. Ирмана	1 072	12	19	9	2	31	14 029 911
1779–1784 Б.И. Меллера	634	2	19	1	19	22	4 947 484
1785–1798 Г.С. Качки	959	5	69	–	–	–	15 178 492
1799–1806 В.С. Чулкова	1 154	13	25	–	–	–	10 055 272
1807–1816 Е.И. Эллерса и Берг[а]	1 029	5	41	–	–	–	11 440 474
1817–1829 П.К. Фролова	1 000	8	79	–	–	–	15 465 317
1830–1835 Е.П. Ковалевского	1 018	31	71	8	11	29	8 068 590
1836–1837 Н.А. Шленева	1 007	8	69	22	32	24	3 003 018
1838–1840 Ф.Ф. Бегера	1 004	16	82	26	24	8	4 918 923
1841–1846 С.П. Татаринова	1 001	10	37	31	24	17	10 340 461
1847–1850 П.П. Аносова	1 000	36	73	36	22	55	7 374 416
1851–1857 В.А. Бекмана	1 008	6	21	40	–	61	12 617 695
1858–1863 А.Д. Озерского	1 014	15	52	30	17	1	10 171 237
1864–1870 А.Е. Фрезе	973	32	95	21	22	70	10 520 211
1871–1881 Ю.И. Эйхвальда	561	10	80	12	11	95	9 830 129
1882 А.А. Смирнова	397	25	18	5	27	46	528 135
До 1889 Н.И. Журина	526	27	54	9	11	48	4 519 473

А чистых металлов за все это время добыто: *серебра* 109 969 п[уд] 19 ф[унтов] 58 з[олотников] 4 д[оли] и *золота* 4 701 п[уд] 23 з[олотника] 44 д[оли].

Обратимся теперь к характеристике горного дела в его историческом развитии, насколько это касается нашей задачи и необходимо для уяснения роста горной производительности. Начнем с рудников. Все открытые, разработанные и до сих пор действующие рудники находятся только в ны-

нешних Бийском и Кузнецком округах и сосредоточены около трех главных пунктов, являющихся по своей мощности месторождения и богатству руд центральными. Этими центрами являются *Змеиногорский* (открытый людьми Демидова в 1736 г., но разрабатывавшийся с 1742 г.), *Салаирский* (открытый в 1781 г. промышленнику из ссыльных Д. Попову ясашным татаринном Нарышевым и разрабатывающийся с 1782 г.) и *Зырянский* (открытый слесарским учеником Герасимом Зыряновым в 1791 г. и разрабатывавшийся с 1798 года)¹. Как эти, так и второстепенные прилегающие к ним рудники находятся на местах копей давно исчезнувшего народа чудь, оставшиеся раскопки, а иногда и признаки расплавов (шлаки, металл и пр.), которые в большинстве случаев и служили указаниями при новых открытиях. Мы не имеем места и достаточной компетенции для подробного их описания; перечислим лишь перечень наиболее известных рудников и краткие указания о времени их открытия и количестве добывавшихся с них руд.

Уже Демидовым было открыто много рудников, часть которых была разрабатываема им и потом Кабинетом. Кулибин (Горн[ый] журн[ал], 1836 г.) перечисляет из них² медные: Акимовский, Благовещенский Вавилонский, Клеопинский, *Кольванский – Локтевский, Локтевский–Маслянский, Медведский* на Убе, Медведский–Воскресенский, Пихтовский, Плоскогорский, Верхне– и Нижне–Лазурские, Черногорский и Чупаршневские (два). Рудники, содержащие медь, свинец, серебро и золото: Березовский на Иртыше, Богоявленский, Бутырский, Воскресенский (получено первое серебро), *Весело–Локтевский, Гольцевский, Матвеевский, Мурзинские 1 и 2, Старый Чагырский, Сатурновский, Шемонаихинский и Юркинский*. Многие из этих рудонахождений впоследствии, вероятно, были забыты и находимы, как вновь открытые.

Наиболее выдающиеся рудники, открытые уже в управление Кабинета в упомянутых нами трех рудных округах, были: Таловский (1749), Нижне–Лазурский (1750), Золотушинский (1751), Сосновский (1760), Николаевский (1761, разрабатывался с 1778), Семеновский (1762), Бухтарминский (известен по чудским копиям с 1767 г., разраб[атывался с] 1784 г.), *Черепановский* (1780), *Салаирские* (1781), Риддерский (1784 году, разр[аты]вался с] 1789), Петровский и Титовский (1787); *Зырянский, Гериховский, Сургатановский* (1791), Мурзинцевский и Малиновский (1803 г.), Белоусовский (1800), Крюковский (1811), *Заводинский 1–й* (1818), *Заводинский 2–й,*

¹ Змеиногорск вблизи рч. Корбалихи, впадающей в Алей, приток Оби; местоположение 510 9'.27'' с[еверной] ш[ироты] и 990 49' 30'' в[осточной] д[олготы] от Ф., над уровнем моря 1 261 ф[ут]. Салаир при р[ч.] Осиновке, в 12 в[ерстах] от рч. Салаира, притока Ини, впадающей в Обь; высота 1 546 ф[утов], место 540 25' с[еверной] ш[ироты] 1030 15' в[осточной] д[олготы]. Зырянский на рч. Маслянке, впадающей в Бухтарму, приток Иртыша; высота по Гельмерсину 1 485 ф[утов], под 490 20' с[еверной] ш[ироты] 1010 40' в[осточной] д[олготы].

² Подчеркнутые (выделенные курсивом (*Ред.*)) разрабатывались еще в конце прошлого столетия.

Березовский и Москвинский (1820), *Сокольный* (1822), Тигинский (1826), *Сугатовский* (1832 г., разр[атывался с] 1851), Чудак (1862), Путинцевский (начало работ 1848 г.), и, кроме того, неизвестно время открытия Таловского, *Греховских 1 и 2*, *Царево-Александровского*. Ныне разработка руд происходит только на 9-ти из этих рудников (выделенные курсивом), из них самый богатый Зырянский, сделавшийся после Змеиногорских рудников уже с середины нынешнего столетия¹ главным поставщиком руд на все заводы, кроме Гавриловского, работающего руды Салаирского края. Чтобы судить о сравнительном значении выдающихся рудников для Алтайских заводов, мы приведем таблицу всего количества добытых с них руд до 1868 г. и тут же процентное содержание металла при начале их разработки и в [18]80[-х] гг. А чтобы иметь понятие о выгодности разработки каждого из них, тут же помещаем и стоимость руд на месте рудников со всеми накладными расходами².

Рудники	До 1868 г. добыто руды всего тыс. пуд.	В пуде руды золотников металла		Пуд руды стоит на руднике коп.	
		при открытии от	ныне	1882 г.	1889 г.
Змеиногорский (сереб.)	97 185	4-8	72 доли	Закрыт	
Салаирский (сереб.)	68 198	1-2	$\frac{1}{2} - 1\frac{1}{2}$	6	$9\frac{1}{2}$
Зырянский (сереб.)	31 897	4-6	$1\frac{1}{4} - 6\frac{5}{8}$	$16\frac{1}{4}$	$17\frac{1}{2}$
Петровский	23 756	1-2	$\frac{3}{4}$	Закрыт	
Никольский	12 107	1-2	-	Закрыт	
Риддерский	10 594	2-5	$\frac{3}{4} - 5\frac{3}{8}$	-	-
Сокольный	6 937	2-4	$1\frac{1}{4} - 2\frac{1}{8}$	$13\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{2}$
Таловский (мед.)	6 086	3-5 ф[унтов]	$3\frac{3}{4}$	$15\frac{1}{4}$	Закр[ыт]
Березовский (мед.)	4 15	2-4 ф[унта]	-	12	Закр[ыт]
(сереб. свинц.)	1 716	$\frac{2}{3}$	53 доли	12	Закр[ыт]
Черепановский	3 727	3-4	89 долей	Закрыт	
Сугатовский	2 799	$1\frac{1}{2} - 3$	$\frac{3}{4} - 3\frac{3}{4}$	$7\frac{1}{2}$	Закр[ыт]
Крюковский	9 436	7-17	$3 - 3\frac{1}{2}$	$13\frac{1}{4}$	Закр[ыт]
Завадинский	544	2	$3 - 7\frac{1}{2}$	-	$37\frac{3}{4}$
Чудак (медн.)	1 19	$3\frac{1}{2} - 6$ ф[унтов]	$4\frac{2}{3}$ ф[унта]	$15\frac{1}{4}$	18

¹ Т.е. XIX в. (*Ред.*)

² Сведения до 1868 г. взяты из «Сиб[ирской] газ[еты]», 1881 г. №7; за время 1881-[188]3 гг. у Йоссы «Горнозавод[ское] производ[ство] Алтая» и за 1886-[188]9 г. из отчетов. В крепостной период руда, конечно, стоила дешевле. У нас нет расчисления отдельно по рудникам, но общая стоимость ее определялась в 2 к. пуд по штатам 1849 г.

Эта таблица показывает, что все главные рудники уже сильно работали, давая руду с низшим содержанием металла. В настоящее время цифры о количестве добычи руд, конечно, значительно изменились; с [18]60-х гг. Зыряновский сделался главным поставщиком руды, давая ежегодно по 400–500 тыс. п[уд]., а в [18]80-х гг. уже по 600–650 т[ыс]. пуд. Главные виды серебряноцинковых руд следующие: *охристые* – более рыхлые и богатые и неглубоко залегающие, *колчеданистые* и *шпатовые* – с меньшим содержанием серебра и лежащие на глубоких горизонтах; как переходные виды их: *кварце-охристые*, *шпато-охристые*, *охристо-колчеданистые* и *шпато-колчеданистые*, составляющие переходы от охристых к колчеданам и шпатам. В Зыряновске преимущественно руды охристые и колчеданистые, в Салаире – кварце-охристые и шпаты. Добыча охристых дешевле, и они богаче металлом, чем колчеданы и шпаты. Вследствие истощения охристых руд приходится разрабатывать колчеданы, лежащие очень глубоко, а это вдвойне уменьшает доходы производства.

Теперь обратимся к характеристике заводов. В общем очерке управления мы проследили уже время возникновения их и общее направление их производства. В [18]70-х и [18]80-х годах продолжали работать следующие заводы: *Барнаульский*, *Павловский*, *Гавриловский* *Локтевский* и *Змеевский* – сереброплавильные, *Сузунский* – медь- и сереброплавильный, *Гурьевский* – железоделательный. Общий размер их производства и колебания его с конца [18]50-х годов мы также видели из таблицы о количестве добытых металлов. Для характеристики каждого завода теперь приведем отдельную таблицу их годовой выплавки бликового серебра и меди с 1872 г. до настоящего времени, где, с этим вместе, приведем и данные о стоимости 1 пуда металлов на каждом отдельно из заводов¹, а для сравнения приведем и смету на 1850 г. при крепостном труде.

¹ Первая часть таблицы по 1880 г. взята у Йоссы, остальная часть вычислена нами.

[Год]	БАРНАУЛЬС[КИЙ] серебр [оплавильный]		ПАВЛОВС[КИЙ] серебр [оплавильный]		ЛОКТЕВС[КИЙ] серебр [оплавильный]		ЗМЕЕВС[КИЙ] серебр [оплавильный]		ГАВРИЛОВС[КИЙ] серебр [оплавильный]		СУЗУНС[КИЙ] меде [плавильный]	
	Выплав. пудов	Стоимость I п[уд.] заводу [в] руб.	Выплав. пудов	Стоимость I п[уд.] заводу [в] руб.	Выплав. пудов	Стоимость I п[уд.] заводу [в] руб.	Выплав. пудов	Стоимость I п[уд.] заводу [в] руб.	Выплав. пудов	Стоимость I п[уд.] заводу [в] руб.	Выплав. пудов	Стоимость I п[уд.] заводу [в] руб.
1850	260	4493/4	240	4493/4	250	4493/4	200	4493/4	50	7801/4	18 000	3-4
1872	156	1 040	140	1 044	203	931	161	1 004	56	999	39 815	6-21
1875	121	1 258	110	1 235	139	1 126	ПО	1 226	543/8	982	27 530	7-24
1877	132	1 213	125	1 235	166	1 094	132	1 197	60	992	28 700	7-66
1879	133	1 189	125	1 204	167	1 071	133	1 177	60	992	28 690	7-84
1880	100	1 227	87	1 220	108	1 095	132	1 188	80	966	28 678	8-7
1885	135	1 241	113	1 214	79	1 361	94	1 325	79	1 040	24 605	9-66
1887	134	1 290	145	1 303	100	1 180	138	1 252	100	1 233	16 240	9-73
1889	123	1 143	134	1 325	111	1 191	129	1 214	137	1 188	20 018	9-68

О стоимости свинца говорить не будем, так как вся добыча употребляется самими заводами при плавке серебра. Несравненно больше интереса представляет чугуноплавильное и железоделательное производство, снабжающее, за удовлетворением нужд собственных заводов и местное население. В последнее время это производство быстро расширяется, хотя сосредоточено только на одном Гурьевском заводе. О выделке чугуна и железа и их заводской стоимости (продажная цена на 10% выше ее) даст понятие следующая таблица:

Приготовлено	1850 г.	1883 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
Чугуна штыков, пудов	92 500	23 000	102 285	133 300	99 013
цена за 1 пуд	93/4 к.	45 к.	34 к.	33 к.	38 к.
Чугунного литья, пуд.	28 500	–	10 032	12 098	13 008
цена за 1 пуд	25 к.	–	1 руб. 25 к.	1 руб. 19 к.	1 руб. 33 к.
Железа сортового, пуд.	10 150	27 800	54 318	43 973	50 628
цена за 1 пуд	51–95 к.	1 руб. 65 к.	1 руб. 17 к.	1 руб. 39 к.	1 руб. 56 к.
Железа переделомн., пуд	–	7 000	82 837	89 472	104 537
цена за 1 пуд	–	2 руб.	59 к.	52 к.	63 к.
Изделий чугунных	7 000	7 000	8 649	3 703	4 020
цена за 1 пуд	32 к.	1 руб. 20 к.	3 руб. 4 к.	2 руб. 21 к.	2 руб. 6 к.
Изделий железных	–	3 000	8 649	5 704	5 688
цена за 1 пуд	–	2 руб.	–	3 руб. 13 к.	3 руб. 50 к.

Как предыдущая, так и эта таблица наглядно доказывают высказанное нами мнение, что новое управление хотя и успело поднять производительность заводов, но не разрешило другой своей задачи – понизить расходы на нее, хотя бы, по крайней мере, до того, чтобы горное хозяйство окупало само себя. Как стоимость серебра, так и металлов, имеющих местный сбыт, из года в год растет, но заводы все еще продолжают жить на счет других доходов Алтая – земельных, лесных, горных податей, а, главным образом, на счет оброка, получаемого с крестьян после крепостной реформы. Особенно невыгодным и убыточным производство благородных металлов является ныне, когда курс на кредитный рубль начинает повышаться и ценность золота и серебра падать на бирже. В другой области, области земельного и арендного хозяйства новому управлению, как увидим ниже, действительно, удалось поставить дело в совсем иное положение, чем это было до тех пор, и повысить доходы Кабинета настолько, насколько позволяют это ныне местные условия.

Указанные нами причины падения горного дела на Алтае подтверждает и такой специалист, как проф[ессор] Йосса, бывший здесь в числе членов

ревизионной комиссии 1882 г. «Разбирая причины этого печального явления, — говорит он, — мы видим, что оно объясняется отчасти изменением естественных условий производства, отчасти значительным изменением экономического строя страны со времени отмены крепостного права. Не без влияния, конечно, было и не вполне рациональное устройство администрации и хозяйства в крае. Из числа причин естественных, наиболее важными, следует признать: постепенное оскудение рудников, повлекшее за собою даже закрытие некоторых из них, а равно и существенное изменение в качестве руд с постепенною углубкою очистных работ. В начале [18]60-х годов среднее содержание серебра в зырянских рудах принималось $3\frac{3}{4}$ зол[отника], а в [18]82 г. — $2\frac{3}{4}$ зол[отника] в пуде. В Белоусовском руднике на горизонте 10 этажа охристые руды окончательно сменились колчеданистыми, значительно низшего содержания. В Таловском на глубине 50 саж[ен] месторождение имело вид небольшого гнезда, а на 60 саж[енях] оно совершенно выклинилось и рудник ныне заброшен. Точно также прекращена разработка рудников: Березовского, Змеевского, Петровского, Сургутановского. Однако же некоторое оскудение естественных богатств страны далеко не единственная, по нашему мнению, даже не самая главная причина упадка алт[айского] горного промысла. На первом плане мы должны поставить существенные изменения экономического строя страны и, в особенности, отмену крепостного права, вызвавшую значительное повышение цены на труд¹». Крестьянская реформа тяжело отозвалась на судьбе заводов приуральского края, «еще тяжелее отозвалась она на горном промысле такой малонаселенной области, как Алтайский округ»... «Присоединение Туркестанского края к России, заселение прилежащих к округу частей степи, развитие пароходства по рр. Оби, Иртышу и их притокам и, наконец, постройка Уральской железн[ой] дороги и появление иностранных судов у устья р. Оби, все это существенно изменило экономический строй Юго-Запад[ной] Сибири. Открылись новые рынки сбыта сельскохозяйственных произведений, возникли новые отрасли промышленности, явилась потребность в массе возчиков дуг передвижения тяжестей (казенных и частных), для доставки войск и новобранцев и т.д. Край вышел из прежнего изолированного положения, а население Алт[айского] края, имея обеспеченный сбыт по выгодным ценам продуктов сельского хозяйства, конечно, стало охотнее заниматься хлебопашеством и скотоводством, чем перевозкою заводских тяжестей. Результатом этого явился недостаток возчиков. Некоторое повышение на хлеб, в особенности же выдворение из крестьянских селений округа множества киргиз (по распоряжению генер[ал]-губ[ернатора] Зап[адной] Сибири), в коих

¹ См. у нас в «Положении рабочих» таблицу заработной платы.

крестьяне имели дешевых и исправных работников, заметно повысили цену на рабочие руки. Многие из числа людей, занимавшихся до выдворения киргиз рубкой дров, выжиганием угля и т.п. работами, бросили свое прежнее занятие, найдя более выгодным наниматься в работники к зажиточным крестьянам. Таким образом, явился недостаток в рабочих для исполнения куренных работ. Вырубка ближайших к заводам лесов, вынуждавшая закладывать курени дальше прежнего, и выработка верхних частей месторождений, заставившая перенести добычу руд на более низкие горизонты, также способствовала сильнейшему повышению цен заводских материалов... Не касаясь затем других менее важных причин, как, напр., излишней сложности администрации, с 1883 года значительно упрощенной, мы не можем пройти молчанием обстоятельство, которое, по мнению большинства завод[ских] инженеров, заметным образом влияло на действие заводов, именно на учреждение в 1871 году отделения контроля и кассы Мин[истерства] Императ[орского] Двора в Барнауле и введение новых, весьма стеснительных для зав[одского] управления правил по расходованию исчисленных в смете кредитов. Контрольное отд[еление] способствовало значительному увеличению переписки без особенной пользы для дела и нередко задерживало исполнение необходимых мероприятий. Результатом такой системы хозяйства явилось хроническое невыполнение нарядов заводами, начинавшими свое действие иногда лишь с половины года и нередко бездействовавшими в течение наиболее благоприятного времени года (Барнаульский з[авод] в [18]83 г. бездействовал с янв[аря] до конца июня)».

Указав на эти печальные стороны горного дела на Алтае, почтенный профессор, однако, предупреждает от заключения, что при настоящих естественных и экономических условиях края, горнозаводское дело на нем может быть только убыточно. «Такое заключение, однако же, никаким образом нельзя признать справедливым; напротив того, простое сравнение технических и экономических условий производительности Алт[айских] заводов и некоторых заводов Зап[адной] Европы приводит нас к заключению прямо противоположному и дает даже право утверждать, что при надлежащем изменении техники горноз[аводского] дела на Алтае, она может и ныне приносить значительные выгоды Кабинету». Далее он сравнивает руды Зыряновска и их стоимость по доставке на заводы с такими же рудами Фрейбергских заводов. Зыряновские руды со средним содержанием серебра в 0,071% обходятся с доставкой на Обские заводы в 44–45 к., на южно-алтайские даже в 33–35 к. с пуда; во Фрейберге такие же руды покупаются по 50 к. и обрабатываются с выгодой; причем добываемые во Фрейбергском округе руды обыкновенно содержат от 0,015 до 1,03% или от 0,57 до 1,14 зол[отника] в пуде, т. е. они «не богаче

большей части руд алтайск[их] месторождений». При всем этом рабочая плата там втрое выше, чем на Алтае.

Высказав это, он останавливается и на мерах, могущих, с одной стороны, поднять самую производительность, с другой, увеличить доходы от нее. Вот главные из предлагаемых им мер: 1) удешевить доставку руд на заводы, а для этого ввести механическое обогащение руд, т. е. путем известной переработки их на рудниках сделать руды с более высоким содержанием и только их перевозить и употреблять в плавку; этим способом тяжесть перевозимой рудной массы может сократиться в 3 или 4 раза, обогащенные руды упростят и удешевят заводское производство и уменьшат в несколько раз потерю металла при заводских процессах, 2) переход от древесного топлива, которое теперь после дороговизны руды является вторым фактором, увеличивающим издержки производства, к каменному углю, значительные залежи которого предполагаются на берегах Иртыша, хотя, вследствие отказа Кабинета в снаряжении поисковых партий туда, эти залежи до сих пор достаточно не исследованы. А переход к каменному углю заставит сосредоточить заводы, работающие ныне на рудах Зырянского и Змеиногорского края (все, кроме Гавриловского и Гурьевского), работающих уже бачатским углем, на берегах Иртыша. И, наконец, 3) обработка безвозвратно теряющихся ныне при серебро-свинцовоплавильном производстве побочных продуктов: цинка и серы. Изменение техники с этою целью дало бы заводам из 600 т[ыс]. пудов зырянских руд до 90 пуд. серебра, 25 тыс. пуд. свинца, около 120–150 тыс. пудов цинка и почти такое же количество серы, что ныне безвозвратно теряется.

Безвыгодность железного производства Йосса объясняет: 1) несовершенством техники, 2) удаленностью Гурьевского завода от места сбыта (особливо от г. Томска), главным же образом, 3) малыми размерами производства, следствием чего является непомерная тяжесть накладных расходов, и, наконец, 4) неправильным положением служащих, заваленных массою канцелярской работы и малоинтересованных в успехе дела. По мнению почтенного ученого, расширение производства необходимо по крайней мере до 100 тыс. пудов ежегодной выделки железа, так как Гурьевский завод является единственным, во всей Зап[адной] Сибири с $3\frac{1}{2}$ мил[лионным] населением, для которого, если бы оно потребляло железа только в половину против русского населения, понадобилось бы ежегодно 500 т[ыс]. пудов. Теперь Зап[адная] Сибирь почти все железо получает с Урала и по высокой цене. Ввиду отсутствия средств у Кабинета на постройку нового громадного завода с ежегодной производительностью до 400 т[ыс] пуд. железа, Йосса рекомендует предоставить это дело в Кузнецком бассейне частной промышленности при условии иско-

---

паемого отопления, а для облегчения предпринимателей Кабинет должен тщательно исследовать минеральные богатства этого бассейна и обнаружить сведения.

В своем заключении почтенный профессор не затронул так часто поднимающийся ныне вопрос о закрытии заводов и полной ликвидации Кабинетом горного дела на Алтае. Правда, у него этот вопрос само собой разрешался, когда он говорит, что нынешний заводской кризис временный и для выхода из него нужно не стремление к ликвидации, а напротив развитие и расширение горного дела. Мы со своей стороны все-таки коснемся этого вопроса. Из дальнейших сведений о хозяйстве Кабинета не горнозаводском, читатель увидит, что теперь центр тяжести доходов в округе перешел с горного дела на земли, леса, оброк и горные подати. Громадные доходы с этих статей, покрывая собой убытки по горному делу, доставляют ныне Кабинету прежнюю миллионную прибыль. У многих ввиду этого является естественный вопрос о закрытии дела, дающего пока только убытки и оставить одно оброчно-земельное хозяйство. Однако такая простота решения крайне запутанного вопроса только кажущаяся. С закрытием заводов немедленно должен возникнуть вопрос о полном наделении землею и другими угодьями бывших мастеровых, получивших при реформе однодесятинные наделы в пользование, об окончании земельного устройства всей массы бывших приписных крестьян и о переведении их на выкуп по общему Положению 19 февраля 1861 г., зачтя при этом в уплату выкупных всю разность нынешнего оброка и государственных земельных налогов. По окончании этих реформ и при полном наделении крестьян всеми угодьями, как это пока допущено временно п[унктом] 2 Указа 8 марта 1861 г., доходы Кабинета сократятся в громадной степени, в них не будет главного – оброчных платежей, которыми ныне и держится вся прибыль Кабинета с Алтайского округа.

Наконец, от ликвидации горного дела потерпят обе стороны – и Кабинет, и вся масса горнорабочего населения, в продолжение полутора веков не знавшего других занятий, кроме горных, населения, у которого в крепостное время дети уже с 10–12 лет должны были работать на заводах. Тридцатилетний период после крепостного права не изменил положения сторон; в силу привычки к горному делу, а, главным образом, в силу однодесятинного надела, бывшие мастеровые необходимо остаются при заводских работах и не переходят к земледелию. От ликвидации горного дела Кабинет понесет громадные убытки на затраченных им капиталах, лежащих в зданиях, фабриках, машинах, плотинах и во всех тех устройствах, которые, будучи приспособлены к специальному производству, потеряют свою ценность при ликвидации. По самой поверхностной оценке только одних

зданий и сооружений к 1889 г. было на всех заводах, рудниках и копиях на 1 031 444 руб., из этого на Барнаульский завод приходится 152 т[ыс.] р., на Зырянский и Заводинский рудники с пристанями – 267 тыс. руб., на Гурьевский зав[од] – 135¹/₂ т[ыс.] р., Сузунский – 94 т[ыс.] р., Павловский – 62 т[ыс.], Змеевский – 58¹/₂ т[ыс.], Локтевский – 41¹/₂ т[ыс.] р., Кольванскую фабрику – 35¹/₂ т[ыс.], Гавриловский завод – 32¹/₂ т[ыс.], Риддерский и Сокольный руд[ники] – 45¹/₂ т[ыс.], Салаирские руд[ники] – до 30 т[ыс.], на Бачатские копи – 20¹/₂ т[ыс.], на медные рудники – 34¹/₂ т[ыс.] и пр. Кроме того разного имущества на 748 т[ыс.] руб., кроме заводских припасов, состоящих в годовой заготовке руд, флюсов, дров, угля и пр., которых к [18]89 г. числилось на 2 155 тыс. руб. Эти последние, конечно, будут употреблены прежде, чем наступила бы ликвидация.

Не один раз поднимался вопрос об отдаче заводов в аренду, но еще в 1862 г. Кабинет справедливо указывал весь вред от такого поворота дела. Арендатор истребит леса и истощит все те рудные месторождения, нахождение и устройство которых стоили Кабинету многолетних усилий и огромных средств даже еще при дешевом крепостном труде. Доныне заводы жили постоянно при наличности запасов в рудах и топливе, убыль которых всегда пополнялась. «Можно ли ожидать, – говорит Кабинет, – такого хозяйства от арендатора, который, конечно, позаботится более о своих временных выгодах, чем о постоянных доходах Кабинета и, вынужденный в немногие годы наличные металлы из месторождений, отдаст обратно Кабинету заводы в расстроенном уже виде; предупредить подобное расхищение условиями аренды не представляется возможности: выгоды владельца еще могут быть ограждены, когда арендуется земля, ежегодно возобновляющая свои урожаи, фабрика, – если устройство ее приведено в строгую известность, – по условию не должна приходить в худшее положение, но как поставить в обязанность арендатору горнозаводские имения, чтобы то, что он вынет в один год из недр земли, непременно было найдено и пополнено в последующие годы».

П. Голубев

б) Положение рабочих¹

(Первые мастеровые Демидова. История приписки местных крестьян к заводам. Завершение приписки в 1761 г. и освобождение горнозаводских людей от рекрутской и прочих государственных и общественных повинностей. Подразделение горнозаводских людей на мастеровых, урочников и подростков. Права и обязанности каждого класса этих горных людей; их материальное положение, рабочая плата и провиант. Освобождение горнорабочих в 1861 г., их земельное и общественное устройство; рабочая плата вольнонаемных рабочих. Приписные крестьяне, их заводские повинности, административное и хозяйственное устройство. Освобождение их в 1861 г. и организация их общественного, хозяйственного и административного устройства).

Из краткой истории заводов мы видели, что первыми рабочими на Алтае были крепостные мастеровые с Невьянского завода Демидова, которые в первый раз явились сюда в 1723 г. с подьячим Дмитрием Семеновым по прозванию Козы–Ножки, для исследования объявленной алтайскими охотниками медной руды. В первый раз в феврале 1725 г. с того же Невьянского завода явились сюда три демидовских приказчика с «довольным числом мастеровых» для постройки первого завода на р. Локтевке. Положив основание заводам при помощи своих мастеровых, Демидов вскоре испросил от Прав[ления] Сената указ, «чтобы для работы давать ему очередных из Томского и Кузнецкого уездов крестьян, по силе которого и были присылаемы нерадивые для зарабатывания подушных денег». Затем, когда был выстроен второй завод, Барнаульский, по просьбе Демидова сенатскими указами к его заводам крестьян начали приписывать целыми селениями; в 1740 г. к Колыванскому заводу было приписано 200 дворов из Кузнецкого уезд[а], и в 1742 г. к Барнаульскому заводу – 200 дворов из Кузнец[кого] и Томского уездов. Приписывались крестьяне на основании общей инструкции, данной в 1722 г. Петром I первому строителю и законодателю на Уральских заводах Геннину, где сказано: «а на первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и воевод». В 1734 г. в инструкции Татищеву это снова повторено и ему дана еще большая власть. Весьма вероятно, что приписка

Источники: 1) «Сочинение о Сибир[ских] рудниках и заводах» 3 тома, академика Германа 1795 г.; 2) «Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управления горн[ых] заводов», 1807 г.; 3) «Описание Колывано–Воскресенских заводов» Кулибина, Горн[ый] журн[ал], 1836 г. 1–7 кн.; 4) Высочайшие манифесты, указы и инструкции, изданные в разное время, 5) Штаты 1828 и [18]49 гг.; 6) Доклад Кабинета в 1862 году о переходе к вольнонаемному труду; 7) Положение 8 марта 1861 г. об освобождении горнорабочих и приписных крестьян на Алт[айских] заводах, 8) Сметы горных советов, 9) Устные рассказы старожилов о прошлом и настоящем.

крестьян к заводам Демидова этим не ограничивалась, хотя в наших материалах мы нигде не встретили других указаний. В 1747 г. заводы от Демидова были взяты в Кабинет, а вместе с заводами перешли в Кабинет, по оценке, и находящиеся при них «собственные Демидова мастеровые люди и приписные крестьяне». С этого времени приписка к заводам крестьян принимает обширные размеры. В том же указе 1747 г. по §4 предписывалось «работы исправлять приписными к оным заводам крестьянами, прибавив еще к тому Кузнецкого ведомства Белоярскую и Малышевскую слободы, Бикатунскую (вероятно, Бийскую) крепость и Бердский острог, зачитая за подушный оклад положенное от Берг-коллегии» (вознаграждение рабочим). Кроме того, позволено было селить пришлых в Сибирь «на известных выгодах для заводов». Этим и дальнейшими указами к некоторым заводским работам привлекались и даже «регулярные и нерегулярные люди» местного батальона. В §7 Указа сказано: «требовать от ген[ерал]-майора Киндермана для обережения оных заводов от неприятеля регулярных и нерегулярных людей, и для занятия построенных и вновь строяемых крепостей, тако ж для посылки в конвое за отправляемым серебром и за посылкою с одного завода на другой с письмами, рудами и роштейном, или когда нужда случится в отправлении нужных, однако, не тяжких работ, чего приписными исправить невозможно будет... оных требовать и употреблять в работы, платя им заработанные деньги от заводов». В 1755 и 1757 гг. Кабинетом были представляемы императрице Елизавете проекты указов о прибавке сумм и о приписке к заводам новых крестьян, но эти проекты не были утверждены.

Из Высочайше утвержденного 12 янв[аря] 1761 г. доклада Олсуфьева видно, что к этому времени всех приписных к Кольвано-Воскресенским заводам крестьян было 10 935 рев[изских] м[уж.] д[уш]; а с этого года к заводам приписываются и все оставшиеся до сих пор в Томском и Кузнецком уездах свободные крестьяне. В §5 упомянутого доклада Олсуфьева сказано: «в прибавок приписать к заводам обретающихся по последней ревизии в Томском и Кузнецком уездах, ведомства тех городов воеводских канцелярий за прежним к Кольвано-Воскресенским заводам приписанием, *достальных крестьян и разночинцев*, положенных в тех уездах в подушный оклад 12 823 души, *или сколько их действительно на лицо есть*». На самом деле наличное свободное население этих уездов тогда было значительно более – 12 823 д[уши] м[уж.] п[ола]. Ревизия, бывшая в 1761 г., все мужское население Томского и Кузнецкого уездов определила в 40 008 д[уш] м[уж.] п[ола]; если до 1761 г. всех приписных крестьян считалось 10 935 м[уж.] р[евизских] д[уш], то, следовательно, Высочайше утвержденным докладом 1761 г. к заводам приписывалось вновь около 30 т[ыс.] душ м[уж.] п[ола].

Относительно всей этой массы крестьянского населения, жившего по рудникам, заводам и вообще селениям, вначале не было никаких правил употребления их на работу. В этом отношении горное начальство пользовалось полною свободою, назначая одних на рудничные, других – на заводские, третьих – на куренные, извозные, дроворубные и прочие работы. Кроме горнозаводских работ все это население обязано было нести и другие государственные повинности и платежи: воинскую, дорожную, подводную, этапную и платить подушную подать. Жившие на заводах и вблизи рудников, употреблялись на специальные заводские и рудничные работы, за что получали жалованье, население же отдаленных деревень употреблялось на рубку и подвозку дров, приготовление угля, подвозку руды, на дорожную и подводную повинности. Из их платы за заводские работы вносилась подушная подать.

Доклад 1761 г. всех заводских приказных, мастеровых и ремесленных рабочих избавляет от подушной подати и от всех общенародных тягостей (воинская, дорожная, подводная и проч. повинности), вполне приравнивая их к лицам, состоящим на военной службе; «ибо в адмиралтействе и в артиллерии, и в других местах таковые (т.е. рабочие) от того свободны». Относительно остальных приписных к заводам крестьян, не состоящих на постоянной работе и жалованья, а исполняющих лишь повинности по подвозке к заводам необходимых материалов и несущих общие повинности, в том же 6 [параграфе] доклада говорится: «и тех самих приписных и на поселение посланных, ныне и впредь в рекрутские наборы не располагать, но оставлять для рекрутования в горных и плавильных работах». Таким образом, для приписных крестьян воинская повинность теперь заменена рекрутскою повинностью для постоянных заводских работ. И в этом году со всей Сибирской губ. положено собрать для горных работ «1 000 человек, людей здоровых, летами от 20 до 35; и сверх того, по недостатку людей (для горных работ) употреблять к тому из военной команды по несколько человек». Рекрутские наборы мастеровых после предписания 1782 г. всегда происходили одновременно и на одинаковых основаниях¹ с общим набором по Империи.

Эта реформа имела громадное социальное значение для крепостного алтайского населения, которое до сих пор юридически было однородно, т.е. находилось в одинаковых условиях зависимости от заводов, платежа податей и повинностей. Фактически уже давно существовало разделение на горнорабочих и приписных крестьян, или на служилых и мастеровых, с одной стороны, и на крестьян, исполнявших вспомогательные работы и обязательные государственные и земские повинности, с другой. Теперь это разделение было утверждено и юридически с разграничением обязаннос-

¹ Рост рекрут мог быть ниже узаконенного. Наборы происходили в Барнауле.

тей для каждой категории крепостного населения. Однако до 1779 г. обязанности приписных крестьян не были выяснены достаточно, и управление часто пользовалось последними для горнозаводских работ; в этом отношении власть начальников заводских ничем не была ограничена. Высочайший манифест 1779 г. 21 мая дает впервые подробные указания, на какие работы могут быть определяемы приписные крестьяне, размер их обязательных работ, плата за них и пр. Здесь же устанавливается и ответственность горного начальства за нарушение прав приписных крестьян. Таким образом, с этого времени устанавливается резкое и окончательное различие между двумя категориями крепостного алтайского населения, между горнорабочими и приписными крестьянами, различие, которое, просуществовав до самого освобождения всех крепостных в 1861 г., наложило резкую разницу на экономическую и социальную жизнь того и другого класса населения. Кроме горнозаводских служащих, мастеровых и приписных крестьян в таких же обязательных отношениях к горному начальству были и мещане, купцы, поселенцы и другие разночинцы. Относительно их говорится еще в указе 1747 г., и затем подтверждается в докладе 1761 г.: «высланным в Кольвано–Воскресенское горное начальство на поселение, пришлым по ревизии, кои купечество имеют, торговать не запрещать и выписи давать, именовать их купцами помянутого Кол[ывано]–Воскр[есенского] горн[ого] начальства, и нигде, кроме той команды, в ином ведомстве им не быть; понеже они от того начальства по очереди употребляемы будут в каждый год к заводским службам в купчины, в счетчики и другие заводские услуги, при чем всего нужнее и то, чтоб в таких отдаленных местах служащим привозили они для продажи всякие вещи, на одежду и пропитание необходимые». Докладом этим военная служба для них наравне с припис[ными] крестьянами была заменена горными работами. По закону 1822 г. купцы и мещане алт[айских] городов в своих правах и обязанностях были уравнены с теми же сословиями прочих городов Империи. На положение горнозаводских мастеровых и приписн[ых] крестьян мы остановимся подробнее.

Горнозаводские рабочие

Весь этот разряд людей разделялся на две резких группы: горнозаводских и урочных; первые находились постоянно на работах, вторые по исполнении определенных уроков были свободны и могли заниматься своими делами. Горнозаводские по роду занятий разделялись на: 1) служащих по письменной, школьной, аптекарской, медицинской части, 2) собственно горнозаводских рабочих, 3) ремесленников (плотников, кузнецов, конюхов, шорников, пильщиков и пр.) и 4) прислуга. Переход из урочников в горнозаводские и распределение по различным разрядам этих последних дела-

лось по усмотрению горного начальства. Дети всех этих разрядов людей, а также незаконнорожденные солдат местного батальона оставались в числе горнозаводского населения; с 1761 г. число горнозаводских пополнялось рекрутскими наборами с крестьян, приписанных к Алтайским заводам.

О численном составе крепостного горнозаводского населения покажет следующая таблица:

[Состав горнозаводского населения]	1795 г.	1826 г.	1849 г.	1860 г.
Находящихся на службе и работ. всего	7 200	17 514	19 000	21 867
Из них: урядников, писарей и служащ[их]	233	–	–	715
– « – рабочих и мастеровых	6 968	–	15 000	15 235
– « – урочников	1 260	–	3 992	4 311
– « – подростков	850	–	2 211	1 606

К обязательным работам призывалось только мужское население с 7 лет, а с 1849 г. – 8-летнего возраста; до 18 лет они считались подростками, а настоящими работниками считались уже с 18 лет, когда и принимали присягу. До 1849 г. сроков для службы и работы не полагалось; по Положению 1828 г. в отставку увольнялись только по полнейшей неспособности к труду. С 1849 г. горнозаводские мастеровые, прослужившие *беспорочно* 35 лет (с 18-летнего возраста), а урочники – 30 лет, увольнялись в отставку; с 1852 г. для горнозаводских из рекрут срок работ сокращен до 25 лет беспорочной службы. Так как случаи беспорочной службы были не особенно часты, то многие находились на обязательных работах до дряхлого возраста. Отставным выдавался по-прежнему безвозмездно провиант и пенсия; последняя по Полож[ению] 1797 г. была для унт[ер]-офицерского звания 20 р., для нижних служителей и рабочих 10 р. Вдовы получали 5 р., сироты по 3 р. в год, бесприютные поступали в горную богадельню.

Все горнозаводские были подчинены военной дисциплине; из них составлялись рабочие команды под управлением горных офицеров. Жить должны были все, кроме урочников, при рудниках и заводах, в казармах или собственных домах, на постройку которых горное ведомство выдавало бесплатно только лес. В административном отношении каждое горнозаводское селение разделялось на десятки и сотни; у каждого десятка был особый сторож (будочный, живший в будке). Наряд на работы, надзор и суд были военные. Положение каждой категории рабочих мы рассмотрим отдельно.

Горнозаводские мастеровые. Главные рудничные и заводские работы продолжают круглый год днем и ночью, за исключением нескольких дней, когда действие останавливается по случаю переделки печей и горнов, или по случаю маловодья в прудах. Для этих рабочих праздников не существовало; для отдыха им с 1786 г. установлена система трехсменных

работ на рудниках, а с 1800 г. – и на заводах; каждый рабочий одну неделю работает днем, другую – ночью и третья неделя свободная, когда он может заниматься у себя дома или служить по вольному найму. Рабочий день, как в прошлом столетии с 1779 г. так и ныне, продолжается 12 часов.

Тяжелыми работами считаются рудничные и в особенности заводские при плавильных печах. В большей части рудников работают на значительной глубине. Змеиногорские рудники еще при Палласе (1771 г.) достигали 80 саж[ен] глубины, а при Ледебуре (1826 г.) – уже 110 саж[ен]. По словам Ледебура «ходы и галереи только в главных местах поддерживались деревянными крепями. От неосторожности при взрывах для добывания руд из твердых пород часто случаются несчастия и потому здешние госпитали всегда полны¹. Самая работа в глубоких шахтах и галереях, часто затапливаемых водою, очень тяжела и грязна. По штатам 1849 г. рудокопы должны были в каждую смену достать руды в глубоких коях не менее $\frac{3}{4}$ куб. арш[ин], а в разносах – 4 куб. арш[ина] на каждого. От ревматизма и цинги гибло несравненно более народу, чем от обвалов. К тяжелым работам здесь присоединялись невыгодные условия казарменного существования и недостаток свежей пищи.

На заводах рабочие страдали от невыносимого жара печей и от блеска расплавленного металла. «Работы на заводах по резким переходам от сильного мороза (до 30° Р) в сильный жар плавильных печей чрезвычайно тягостны и затруднительны, – говорит Риттер. – От раскаленных печей, едва переводя дух, рабочие выбегают к холодной воде и, напившись ее, получают воспаление легких, катары и пр[очее]». О влиянии блеска от расплавленных металлов Ледебур говорит следующее: «Один из рабочих (в Барнауле) должен постоянно наблюдать за плавкою, смотря сквозь небольшое отверстие, чтобы не пропустить того момента, когда серебро, не начиная улетучиваться, уже совершенно расплавляется. В течение 40 лет эту трудную должность занимал один и тот же работник; но кроме ослепительного серебряного блеска старик не видел ничего¹. В Барнауле и в настоящее время есть несколько слепых, потерявших свое зрение при плавильных печах. Еще более вредное влияние оказывал на рабочих ядовитый (серноносюрмистый) дым из печей при расплавке необожженных руд и при обжигании рудных куч (смот[ри] «Санитар[ное] сост[ояние] Барнаула», стр. 246). В крепостное время тягость работ увеличивалась от строгости взысканий; малейшие упущения, недоплавки, лишний «угар», несвоевременное пополнение печей дровами, горнов – флюсом, ру-

¹ Риттер. «Землеведение». Т[ом] III, стр. 238.

² Там же.

дой и углем и пр. влекли наказания. Обычным и наиболее легким наказанием было заключение провинившегося в казарму дней на 5, на неделю, а иногда и на 2; отсюда их выводили только на очередную работу в завод. Часто к этому прибавлялось и наказание розгами. Образовалась даже привычка к розгам, обязательный труд был уже уничтожен, а волостные суды, по старой памяти, все еще помнили, что за побег с работ мастеровых драли и били шпицрутенами. В 1864 г. в июне Салаирский волостной суд наказал крестьянина¹ А-ва 20 розгами «за побег с частного золотого промысла». Затем с 1867 по 1882 г. встречаются нередко примеры наказаний розгами (15–20 ударов) «за самовольную отлучку» с работ на заводе, руднике и каменноугольной копи.

Однако ни заводские, ни рудничные работы не оставили по себе такой печальной памяти, как работы на золотых приисках, которые начались на Алтае с 1830-х годов настоящего столетия. По рассказам старожиллов, прииски служили каторгой для всех алтайских рабочих. В приговорах даже военно-судной комиссии обвиняемых с заводов и рудников стращали отдачей на прииски. Сюда назначали не только штрафованных или наказанных по суду шпицрутенами, но и из крестьян, только что взятых в рекруты, напр[имер], из 150 рекрут, определенных в 1855 г. в Салаирский край, 19 чел. были назначены на разные золотые промыслы. Другие из рекрут отправлялись прямо на промыслы. Особенно тяжела была приисковая работа и в особенности жизнь для взятых рекрут и для подростков; последних по штату 1849 г. здесь было 234 чел., из них только малолетков до 15-летнего возраста 111 чел. Казарменная жизнь, холод и постоянный дым во время зимних работ (замерзшую землю должны были постоянно оттаивать костром), затем работа по колена в воде весной, летом и осенью, наконец, плохое содержание (заготавливаемая на 3 года вперед мука от сырости превращалась в глыбы, которые поддавались только лому и кайлу) – все это обуславливало здесь громадную заболеваемость и смертность, преимущественно от цинги и ревматизмов. Наибольшая, чем в других работах, заболеваемость приисковых рабочих видна даже из штатов 1849 г., по которым годовое число больных в приисковых госпиталях определено в 5,3% по отношению ко всем рабочим, а в других работах – 3,6%. При тяжелых условиях жизни на приисках побег отсюда рабочих были явлением обыкновенным. Бежали целыми партиями, были побег и с рудников, так, напр., в 1818 г. бежало с заводов и рудников Салаирского края 192 чел., а со Змеиногорского – 248 чел., но с золотых приисков бежали несравненно чаще. Беглецов не останавливали и тяжелые наказания

¹ Т.е. бывшего мастерового, так как Салаирская вол. исключительно горнозаводская.

(по 2–3 тысячи шпицрутеннов; за другие проступки бывали наказания и 6 тысяч шпицрутеннов).

Мастеровые при вспомогательных заводских работах (*ремесленники*) находились в лучшем положении; они работали только днем; имели праздники свободными, некоторые работы исполнялись дневными уроками, по выполнении которых рабочий мог уходить домой и ранее обыкновенного 12-часового срока; зато слабосильные иногда работали и более 12 часов.

Прислуга, денщики составляли из себя нечто вроде дворовых людей; набирались они из всех категорий горнозаводских людей; по штатам 1849 г. «содержание сим людям (назначенных для услуг), относится на счет лиц, для которых они будут заняты работой или услугой», денщики же получали по 4 р. в год и провиант. По штатам 1849 г. определено для услуг чиновникам и священнослужителям 127 чел. и кроме того 76 денщиков; но на самом деле их было гораздо более, так как каждый считавшийся начальством имел у себя по несколько человек такой прислуги.

Нечто вроде особого класса рабочих составляли *подростки*. Все мальчики горнозаводского населения, начиная с 7, а с 1849 г. – с 8 лет и до 18 лет подлежали заводской повинности. Судьба этих юных рекрутов представляет наиболее печальную страницу из прежней истории заводов. Начиная с ранней весны, ежегодно происходили набор и отправка детей-рекрутов на заводы и рудники. Центром сбора этих рекрутов был Змеиногорск и Салаир, откуда их распределяли по рудникам и заводам. В Змеиногорске ежегодно их собиралось до 500–800 мальчиков не старше 12 лет. Весну, лето и зиму они должны были заниматься рудоразборными и прочими легкими работами; на зиму те из них, родители которых могли учить их у себя дома, отпускались месяца на 4 к родителям; другие же до 10-летнего, а с 1828 г. – до 12-летнего возраста должны были ходить в заводские школы, которых уже в 1781 г. было 6: Барнаульская, Змеиногорская, Павловская, Сузунская, Алейская и Томская, где по зимам училось тогда 827 мальчиков¹; после этого возраста они уже все должны быть на работах. Те из детей, у кого не было родителей или они были бедны, раз расставшись с родной, не видали ее по несколько лет, а иногда и совсем. Сироты и те, кто не имел родственников и знакомых, помещались обыкновенно в казармах, где им давался дядька и кашевар. С 1828 г. ими заведывало, так назыв[аемое], горносиротское отделение, а с 1849 г. казармы назывались «приютом для рудоразборщиков». Малолетки и подростки получали, наравне с взрослыми и жалованье и паек; в прошлом столетии жалованье школьников и рудоразборщиков было от 3 до 7 к. в день, а в начале нынешнего столетия² – от

¹ В отделе о «Горных школах» по ошибке упомянуто только о двух первых из этих школ.

² Т.е. XIX в. (*Ред.*)

30 к. до 1 р. в месяц. С 1828 г. эта плата уменьшена, по штатам 1849 г., определена для малолетков или подростков III статьи в 3 р. 50 к., для подростков II статьи с 15 л[ет] – 4 р. и для подростков старших до 18 лет – в 5 р.; кроме того, всегда выдавался паек в 1–1½ п[айка] до 15 лет и в 2 п[айка] старшим. Сиротам и тем, которые жили в казармах, выдавалось добавочное содержание по 1½ к. в день. Малолетков, живших в казармах, определялось по Змеиногорским рудникам 220 и по Салаирским – 50; остальные жили на квартирах. Одежды казенной не полагалось и дети, не получавшие из дому помощи, должны были для приобретения ее работать по праздникам. Точно также сами они должны были убирать казармы, мыть и чинить свое белье. Вид грязных и оборванных детей вызывал иногда сострадание женщин, которые по временам обмывали и обшивали их. Рабочий день для детей до 15 лет по Горному Уставу определялся 8 ч[ас.] в сутки и они должны быть употребляемы только на дневные и легкие работы. В [18]40–х годах для мальчиков–рудоразборщиков назначались уроки: два мальчика со стариком должны были набить и рассортировать 100 пуд. в день. С возрастом работа давалась труднее, а подростки I статьи с 16 до 18 лет употреблялись и на обычные работы для взрослых. С 18 лет, приняв рекрутскую присягу, они поступали в команды горнозаводских мастеровых людей.

Урочники, или льготные горнозаводские люди, по–видимому, существовали уже давно; они набирались по вызову начальства из горнозаводских людей, но первое предписание Кабинета, устанавливающее этот разряд рабочих, появляется в 1795 г.¹ Они обязаны были доставлять различные материалы для заводского дела: жечь уголь, возить дрова, уголь, руду, флюсы, делать кирпич и проч. Смотря по роду работы, они разделялись на угольщиков (углевозы), кучников (углежоги), рудовозов, кирпичников, поставщиков дегтя, серы и пр. Они пользовались всеми льготами горнозаводских людей по податям и повинностям, не получали только бесплатного провианта. По роду работ годовые их уроки состояли для каждого кучника – выжечь 3 двадцатисаженных кубич[еских] (заводская сажень курен[ных] дров в 3½ арш[ин]) кучи угля, для рудовоза – привезти определенное число пудов на известное расстояние, напр.: 500–700 п[уд.] из Змеиногорска в Барнаул, для кирпичника – сделать 12 тыс. кирпичей и т.п. Исполнив урок, они были свободны заниматься своими делами. Так как для большинства этих работ требовались лошади, то в урочники обыкновенно избирались конные мастеровые. Многие из них, однако, по недостатку

¹ Урочные (с отпуском на зимнее время) встречаются и раньше 1795 г., после 1779 г., когда с крестьян были сняты некоторые работы; например, до 1787 г. урочник–угольщик получает 12 р. с кучки, вольнонаемный – 15 р. Чтобы поступить в урочники, нужно было доставить ручательство однодеревенцев в своей состоятельности. Если урочник терял возможность выполнить урок, он обязан был заявить в начале года и тогда вместо него назначался другой.

средств должны были нанимать за себя других состоятельных для исполнения своих уроков, а сами нанимались в пешие рабочие к своим же подрядчикам. Сдача своих уроков подрядчикам практиковалась широко, особенно с 1828 г., когда один мог брать подряд не за одного только, как это было до того, а за несколько человек. Вследствие этого подрядчики почти все зимнее время занимались доставкой клади на заводы, а маломощные нанимались к ним же в работники. Эти же подрядчики часто брали на себя подряд по исполнению заводских повинностей и от приписных крестьян. Относительно вознаграждения урочников сведения за прошлое столетие находим у Германа, а за нынешнее – в штатах 1849 г. *Угольщики-кучники* (в 1795 г. их было 957 чел.) получали за обожжение каждой кучи 12 руб., а на работника (3 кучи) – 36 руб.; из каждой 20-саженной кучи должно было получаться: из соснового леса 74 короба, березового – 51 кор[об], елового и осинового – по 53 кор[оба], считая каждый короб в 20 пуд. В случае лишнего получения угля приплачивалось за каждый короб $25\frac{1}{2}$ к. (из них угол[ьному] мастеру – $7\frac{1}{2}$ к., смотрителю – 2 и кучнику – 16 к.); в случае недостатка взыскивалось по $33\frac{1}{2}$ к. за короб (с мастера – $10\frac{1}{2}$ к., со смотрителя – 2 к. и с кучника – 21 к.). По штатам 1849 г. кучников было 1 380 ч[ел.], уроки их были те же, что и прежде, но плата за них уменьшилась более чем втрое: за каждую кучу получалось 3 р. 44 коп., а за 3 кучи – 10 р. 32 к. сер[ебром]. В прошлом столетии урочниками были и *дроворубы*, годовой урок которых состоял в вырубке 30 куб. саж[ен] куренных дров. Плата за сажень, как и приписным крестьянам, полагалась по 45 к., да путевых 3 к. в день каждому, считая по 25 верст дневной хотьбы. Впоследствии рубка дров лежала исключительно на приписных крестьянах. *Дровозовы-урочн[иков]* в 1795 г. было 45 ч[ел.], они обязаны были вывозить по 50 куб. саж[ен] каждый с платою на 5-верстном расстоянии по 70 к. за сажень; за дальнейшее расстояние делается расчет, одинаково с конной работой приписных крестьян: по 12 к. в день на воз за 30-верстное расстояние (зимой). На том же основании перевозились бревна и прочие лесные припасы. Таким же образом дровозов зарабатывал не менее 35 р. в год. По штатам 1849 г. дровозовов было 332 ч[ел.] и получали они столько же, как и кучники, по 10 р. 32 к. каждый. *Рудозовы* впервые вызваны из желающих мастеровых для перевозки руд с Риддерского руд[ника] на Алейский и Локтевский зав[оды], так как вблизи этого рудника не было приписных крестьян (самое близкое селение в 85 в[ерстах]). В 1795 г. их было всего 38 чел. (а в 1849 – уже 1 471 чел.); за провоз в Алейский завод платилось 8 к., в Локтевский – 10 к. с пуда; годовой урок каждого состоял в перевозке 500 пуд. сортиров[анных] руд. Дорог в прежнее время почти не существовало, особенно от вновь найденных рудников, точно так же редки были и селения, а потому горное

начальство на рудных дорогах должно было селить сторожей (чаще семьи инвалидов). Такие же уроки рудовозов остались и потом; количество пудов перевозимой руды определялось в зависимости от расстояний, но плата им была общая с другими урочниками – 10 р. 32 к. на душу. К урочникам же принадлежали и сплавщики руды по рекам. В 1795 г. с Бухтарминского рудника до пристани на Иртыше за 10 верст на казенных лошадях возили по 1 к. с пуда; а отсюда урочники на 4 лодках сплавляли до Убинского форпоста по 3 коп. с пуда. В год перевозилось от 5 до 6 тысяч пуд. руды. По штатам 1849 г. сплавщиков было 450 чел.; они получали наравне с обыкновенными мастеровыми III статьи годовое жалованье 6 р. и по 3 к. за праздник во время сплава. После сплава были свободны. Сплавные работы после золотых приисков считались самыми трудными. Ходить с бечевой по скалистому берегу Иртыша чрезвычайно опасно, и старожилы с ужасом вспоминают этот сплав.

Теперь обратимся к материальному положению главной массы рабочих горнозаводских мастеровых и ремесленников. Все горнозаводские рабочие получали муки по 2 пуда в месяц на каждого. В прошлом¹ и в начале нынешнего² столетия провиант выдавался за деньги; по постановлению Кабинета 1788 г. за каждый пуд взималось из жалованья по 25 к. с тех, кто получал в год менее 40 руб., а с остальных – по покупной цене с прибавкою 10% на содержание магазинов. По словам Германа, в [18]90[-х] годах того столетия цены на хлеб стояли в Змеиногорском крае 55 к. пуд, в Барнаульском, Павловском, Сузунском, Томском и Гавриловском заводах и Салаирском руд[нике] – от 38 до 45 коп. С 1828 г. провиант ежемесячно по 2 пуда на взрослого рабочего, по 1½ на подростка до 15 л[ет] и по 1 п[уду] на мальчика с 7 л[ет] выдавался бесплатно всем, кроме урочников. Рабочие на казенных и частных гор[ных] заводах бесплатный провиант начали получать с 1799 г. и на всю семью. С 1849 г. бесплатная выдача в таком же количестве распространена и на семейства рабочих: жены получали по 2 пуда, на детей по 1 п[уду]; дочери бесплатный провиант по 1 п[уду] получали лишь до 18 лет. Кроме бесплатного провианта заведующие цехами урядники и уставщики получали от 7 до 9 руб. ежегодно на платье. При этом порядке, как увидим ниже, заводы не были в убытке, так как значительно возросшие расходы на провиант были соответственным образом переложены на рабочую плату, которая с этого времени значительно сокращена.

Относительно рабочей платы в крепостной период были определенные положения более или менее общие для разных категорий рабочих. В конце

---

¹ Т.е. XVIII столетия. (Ред.)

² Т.е. XIX столетия. (Ред.)

прошлого столетия за некоторые работы плату получали издельную. Так, в 1788 г. издельную плату получали, напр., печатники на Сузунском монетном заводе по $1\frac{1}{2}$ [коп.] с каждого пуда монеты; всех издельных рабочих было 36, которые в год зарабатывали всего до 230 руб. На задельной же плате были некоторые рабочие с Томского з[авода]: 1) при ковке железа мастер получал от $1\frac{1}{2}$ до 3 к., подмастерье – от $\frac{3}{8}$ до 1 к. и работники – от $\frac{3}{8}$ до $\frac{3}{4}$ к. с пуда выкованного железа; 6 чел. выковывали в неделю 70 пуд., 2) при выделке стали мастер – от $2\frac{1}{4}$ до $6\frac{3}{4}$ коп., подмастерье – $4\frac{1}{4}$, ученик – $2\frac{3}{4}$ с пуда, в неделю выдывалось из 30 пудов укладу, 19 пуд[ов] «доброй» и $2\frac{1}{4}$ пуд[а] средней стали. Однако большая часть мастеровых на всех заводах и рудниках получала годовое жалованье. В прошлом и начале нынешнего столетия это жалованье при различных работах колебалось между 15 и 40 руб. в год, больше этого получали мастера и уставщики, заведующие тем или иным цехом; например, штейгера или рудные мастера в 1795 г. в Салаире получали 150–200 руб., заводский мастер (унтер-гиттенмейстер) на Гавриловском – 48 р. и пр. После 1828 г. эти жалованья увеличены, но, к сожалению, у нас нет рабочих штатов этого и следующих лет. Из крепостного периода в нынешнем столетии мы приведем лишь сведения о жаловании и плате, установленной штатами 1849 г.; эта плата без изменения существовала до самого освобождения. По абсолютной величине эти платы понизились даже против прошлого столетия¹. Все мастеровые разделялись на 3 статьи и сообразно статьям получали жалованье: мастер I статьи – от 12 р., II ст[атьи] – 10 руб. и III ст[атьи] – 6 р. и 7 р. 50 к. Большая часть рабочих, конечно, принадлежала к разряду мастеров III статьи; кроме того, в работу употреблялись подростки от 12 до 18 лет, которые также разделялись на три статьи и получали жалованье: подростки I ст[атьи] – 5 р., II – 4 р. и III ст[атьи] – 3 р. 50 к. Заведующие различными цехами, а также писаря, фельдшера, учитель, аптекарские помощники назывались урядниками и тоже разделялись на 3 статьи, и получали содержание: 48, 26 и 24 р. в год. Понижение жалованья и вообще рабочей платы объясняется тем, что с 1849 г. относительно содержания рабочих была принята система, по которой принцип личной ответственности и индивидуальных особенностей был окончательно стерт и в основу положено, кроме прежней обязательной работы только для заводов, еще обязательная и одинаково вознагражденная работа для обеспечения всей массы крепостного мастерового люда. Этот принцип обязательной работы для всех при возможно равномерном обеспечении всех был осуществлен следующим образом: все были бесплатно обеспечены в одной из главных своих потребностей –

¹ Т.е. XVIII в. (Ред.)

в пище и для этого все работали почти за одинаковое вознаграждение. Рабочий прежнего столетия, имевший семью из 4 челов[ек] (сам, жена и двое детей), хотя и получал от 18 до 30 р. в год, но из этого должен был тратить на пищу, по крайней мере, 18 р., (6 пуд. в месяц стоили в годовом бюджете 18 р.); таким образом, семейные едва только зарабатывали себе на хлеб, а бессемейные, напротив, даже от 18-рублевого жалования могли экономить на другие свои потребности до 12 р. При такой системе одинакового для всех только обязательного труда без заботы об одинаковом обеспечении сообразно потребностям каждого, случаи крайней бедности, упадка и разорения хозяйств были почти общим явлением. При новой системе одинаковой обязанности и одинакового обеспечения в первых своих потребностях экономическое положение мастеровых было уравнено. Теперь тот же семейный рабочий (3 едока кроме него), стоящий на самой плохой работе (в 3 статье), получает в год бесплатным провиантом около 29 р. (40 к. пуд муки в первые годы по издании штатов 1849 г.) и кроме того 6 руб. жалования, а всего 35 руб.; тогда как лучший мастеровой (1 статьи), но бессемейный, получал 12 руб. жалования и 9 р. 60 к. провиантом, или всего 21 р. 60 к. Разница в обеспечении семейного и бессемейного в пользу первого была тем более, чем больше у него семья. Этот близко подходящий к общинно-военному устройству быт горно-заводских рабочих с реформой отмены обязательного труда должен был уступить место новому порядку свободного труда и индивидуальной ответственности в личной жизни каждого рабочего. При новой системе вольного найма заводоуправление сообразуется уже только с потребностями и интересами заводов и смотрит на рабочего со стороны его физической пригодности и технической опытности. При вольном найме уже не может быть одинакового вознаграждения при всех родах работ, зато теперь для рабочего открылась возможность в пределах общих социально-экономических условий страны искать себе работы по своим силам, склонностям и потребностям.

Для наглядного ознакомления с рабочей платой при крепостном и вольном труде, мы приведем табличку за 4 года: 1795 и 1849 гг. (крепостной труд прошлого и нынешнего столетия) и 1864 и 1889 гг. (первый и последний годы вольного труда)¹. Годовую плату получали:

¹ Цены за 1795 г. взяты у Германа о сереброплав[ильном] произв[одстве] Гавриловского завода и о рудниках Салаирских; за 1849 г. цены общие по штатам; за 1864 г. взяты из смет Горного совета по всем заводам, то же и относительно 1889 г. В сметах последнего года чаще встречаются цены подневные, которые мы перевели в годовые, считая принятый на Алтайских заводах рабочий год 250 рабочих дней.

<i>Сереброплав[ильное] произв[одство]</i>	1795 г.	1849 г.	1864 г.	1889 г.
	От-до руб.	От-до руб.	От-до руб.	От-до руб.
Плавильщик	32–36	12	84–100	125–200
Машинист	24	9	96	100–200
Работники при печах и горнах	18	6	70–84	138
Шлаковозы	12–15	3 $\frac{1}{2}$ –5	50–70	96
Плотники	18–24	6–10	60–90	84–180
Кузнецы	24–26	10–18	100–200	150–250
Молотобойцы	18–24	6	60–90	80–120
Мастер серебр[оплавильного]. произв[одства]	48	120	104–150	150–200
<i>На рудниках</i>				
Кайловщ[ики] и бурщики	24	10	сдельная	
Горные работники	18	6–7 $\frac{1}{2}$	80–150	100–200
Рудоразборщики	12–15	3 $\frac{1}{2}$ –5	50–70	60–100

Относительно горных работ на рудниках почти тотчас же при вольном труде введена издельная плата, при добыче серебряных руд плата установлена с кубич[еского] саженя этих руд, и, смотря по трудности добывания, различна. В Салаире в 1889 г. кварцевые руды за 1 куб. саж[ень] – от 25 до 45 руб., более трудные и глубокие породы – до 20–60 р. и редко до 100 р. В Зырянских [рудниках] руды добывались по ценам: 25 р. 55 к., 38 р. 42 $\frac{1}{2}$ к. и 51 р. 87 $\frac{1}{2}$ к. за куб. саж[ень]; в Черепановском – 55 р. 24 к. Рудокопы зарабатывают от 30 к. до 2 р. в день, в среднем же 60 к. – 1 р. При этом из платы рабочих вычитается стоимость полученных ими для работы свеч, динамита, пороха и проч. При этих работах есть и поденщики, работающие в горе и на поверхности; плата таковым от 50 до 80 к.; бурщики получают поденщины 1 р.; плотники – 50 к. и отвальщики – 40 к.

На золотых кабинетских промыслах плата установлена с золотника добытого золота 3 руб. Ссмотря по богатству пласта, поденщина обходится от 5 к. до 5 р., в среднем то же, что и при добыче серебр[яных] руд.

Относительно рабочей платы на заводах за 1889 г. мы имеем возможность привести более подробные данные по каждому заводу. В таблице поденная плата обозначена д, годовая – г.

В Гурьевском железоделательном и чугуноплавительном заводе при выплавке чугуна поденщина: плавильщику – 80 к., ученику – 70 к., работнику – 50 к., засыпщику – 70 к., формовщику – от 40 до 75 к., или задельно от 50 до 1 р. в день. При всех производствах железа рабочие состоят на задельной плате, которую получают со 100 пудов выделанного железа в копейках:

	Барнаульский сереб[роплавильный]	Лавовск[ий] сереб[роплавильный]	Локтевск[ий] сереб[роплавильный]	Змеевский сереб[роплавильный]	Гаринов[ский] сереб[роплавильный]	Суэзский мед[енплавильный]
Мастер	г. 240	г. 240	г. 150	-	г. 204	-
Плавильщики (печн.)	д. 55	-	д. 65	д. 50	д. 65	д. 55
Работники (печн.)	д. 55	-	д. 50	д. 40	д. 60	д. 45
Плавильщики (горнов.)	д. 60	д. 67	д. 70	д. 50	д. 85	д. 70
Ученики (горн.)	д. 55	д. 62	д. 55	д. 45	д. 62	-
Работники (горн.)	д. 50	д. 52	д. 50	д. 40	д. 60	-
Плавильщ[ики]						
при трейб-офенах	д. 60	д. 70	-	-	д. 70	-
Ученики их	д. 55	д. 64	-	-	д. 62	-
Настильщики шихт	д. 40	д. 40	-	-	г. 96	-
Шлаковозы	д. 40	д. 30	д. 35	д. 35	г. 96	-
Машинисты	д. 85	д. 60	г. 100	-	-	г. 120
Кузнецы	д. 60	г. 126	д. 50	-	-	г. 120
Молотобойцы	д. 50	г. 102	д. 40	-	-	г. 102
Плотники	г. 84	-	д. 50	д. 50	-	-
Прочие поденщики						
не ниже	д. 40	д. 30	д. 35	д. 35	д. 40	д. 32

[Плата]	Пудлинговое производство			Обжимка пудл[ингового] железа			Сварочное сортовое			
	Мастер	Подмастерье	Работник	Обжимщик	Машинист	Помощн[ик] его	Мастер	Помощн[ик] и варов.	Шуровщик	Работник
Со 100 пуд. железа	140	120	100	60	42	35	55/60	45/50	35/40	30/32
Переводя в поден[ную] плату:										
Высшая	151	130	108	170	111	90	154/270	126/240	95/180	84/150
Низшая	60	50	45	70	50	40	40/53	38/45	26/37	23/30
Средняя	113	96	80	107	76	63	99/122	72/100	62/82	53/69

Об условиях современных работ, о контрактах и проч. говорим далее.

Положением 8 марта 1861 г. все горнозаводские мастерские и урочники освобождались от обязательных заводских работ и повинностей; в [18]61 г. были освобождены все, прослужившие не менее 20 лет, в [18]62 г. – прослужившие 15 лет и, наконец, 8 марта [18]63 г. – остальные. Освобождение совершилось на следующих основаниях. Прежние горнозаводские селения должны были образовать особые сельские общества, а из этих последних горнозаводские волости; для удобства некоторые горнозаводские селения могли приписываться и к крестьянским волостям. Волостное и сельское устройство горнозаводских селений и волостей общее с устройством сельского населения в Империи и подлежало ведению мировых посредников. Однако заводскому начальству, вместе с общей полицией, предоставлен (ст[атьей] 15) надзор за сохранением общественного порядка и безопасности в пределах заводского округа, а также (ст[атьей] 16) надзор и право остановки при ведении в исполнение «тех приговоров горнозаводских обществ, которые могут относиться до благосостояния завода или будут указаны Горным начальством». Горнозаводские мастерские и урочники в собственности по уставным грамотам получили только усадебные земли (18 и 28 ст[атьи]); остальных угодий поступило не более 1 дес. на рев[изскую] душу в пользование за оброк по 2¹/₄ к. с рев[изской] души (20–24 и 30–31 ст[атьи]). Подробности о земельном устройстве и повинностях горнозаводского населения приведены на страницах 188–199 в статье «Салаирская горнозаводская волость». Заводскому начальству

было предоставлено право в продолжение первых 8 лет переносить на свой счет усадьбы бывших мастеровых на новые места, если земли под ними нужны были заводам и рудникам.

На первых порах, ввиду неопределенности положения и опасения остаться без рабочих, закон о найме мастеровых представляет им существенные льготы: в первое десятилетие всякий прослуживший по контракту 3 года непрерывно на заводских работах мог откупиться от воинской повинности за 300 р., а прослуживший 6 лет, избавлялся совсем от этой повинности (ст[атья] 39). За контрактных рабочих заводоуправление исправляет натуральные общественные повинности (39 ст[атья]), выдает им бесплатно лес ежегодно 5 куб. саж[ен] дров и от 4 до 7 бревен и сенокосу 2 дес. на каждого и лечит контрактных рабочих безвозмездно в своих госпиталях. Кроме воинской, все эти льготы остаются и теперь. Рабочие нанимаются на заводы и рудники непременно по контракту от 1 до 3 лет. Вот главные пункты нынешних контрактов на Алтайских заводах: 1) Рабочий день 12 часов; в подземных работах на рудниках – 8 часов; 2) для горнозаводских непрерывных работ прежняя трехсметная система – дневная, ночная и гульная неделя; 3) плата поденная и расчет чрез каждые 2 недели; 4) за несвоевременный выход или за появление в пьяном виде на работу вычеты: за первые 2 часа по 10 к. за каждый, за последующие – по 20 к. и за всю смену – 1 р. 50 к.; вычеты поступают в пользу заменяющих рабочих; 5) с предварительного заявления заводоуправлению можно ставить за себя другое лицо на время отлучек, которые не должны быть долее 2 недель; 6) нарушивший контракт (после трехкратного несвоевременного или в пьяном виде выхода на работу после отлучки более чем на 2 недели) исключается из числа контрактных рабочих, подвергаясь взысканию, сверх штрафов и неотработанных задатков, неустойке 25 р.; 7) за небрежность и нерадение на работе заводоуправление может переместить виновного на другую работу с низшей поденной платой, а за непослушание и дерзость против заводских приставников виновный подвергается, по усмотрению заводоуправления, штрафу от 25 к. до 5 руб., лишению бесплатного топлива и покосов, вычету за больные дни, и уплате за всякий лес, а в случае вреда заводу, виновный подвергается уплате стоимости сделанного им ущерба¹; 8) не желающий возобновлять контракта на следующий год, обязан заявить об этом за 3 месяца вперед, точно то же по отношению к рабочим обязано делать и заводоуправле-

¹ Нужно заметить, что в определении взысканий и штрафов управляющие различных заводов пользуются широкою самостоятельностью. В контракте Барнаул[ьского] завода, напр., штраф от 25 к. до 1 р., в Гурьевском – от 50 к. до 6 р. и, кроме того, в последнем провинившиеся рабочие лишаются по усмотрению заводоуправления покосов, леса, бесплатного лечения и пр.

ние. В случае несоблюдения заводоуправлением последнего пункта, оно обязано выдать рабочим не в зачет платы за 3 месяца; 10) больные лечатся бесплатно, увечные или семьи убитых получают вспомоществование и пенсии, которые крайне различны, смотря по степени увечья. Минимальная величина пенсии 3 р. 12 к. в год.

Публикование подробной статистики о числе пострадавших на заводах и рудниках начинается только с 1885 г., за предыдущие годы имеются лишь общие цифры пострадавших (убитых и изувеченных). Мы приведем эти данные с 1882 г. и в нижеследующей таблице дадим сведения о несчастиях с рабочими, как отдельно на Алтае, так и вообще по России, откуда уже можно будет сделать вывод о сравнительной безопасности работ на алтайских рудниках и заводах. Нужно заметить, что в официальную статистику вносятся лишь убитые и те из оставшихся в живых, которые серьезно искалечены:

	Абсолютное число пострадавш[их] на Алтае		Пострадавших на 100 т[ыс.] горн[ых] рабочих			
			На Алтае		Во всей России	
	убито	изувечено	убито	изувечено	убито	изувечено
1882 ¹	3	2	200	133	46	160
1883	3	7	72	169	45	169
1884	4	5	95	118	45	136
1885	5	5	74	74	49	144
1886	1	22	13	304	50	150
1887	–	27	–	623	54	177
1888	3	13	70	204	Сведений нет	

Отсюда видим, что процент пострадавших на алтайских заводах и рудниках гораздо выше, чем вообще на горных заводах России. За 3 г[ода] у нас имеются данные отдельно по заводам и рудникам алтайским, казенным и частным. На 100 тыс. горных рабочих было:

[Год]	На Алтае		Казенных зав[одах]		Частных зав[одах]	
	убито	изувечено	убито	изувечено	убито	изувечено
1884	95	118	30	1258	45	77
1885	74	74	23	729	49	116
1886	13	303	12	444	54	135

¹ В 1882 г. не показано число рабочих на рудниках; число же пострадавших на рудничных работах, по-видимому, вошло в офици[альные] отчеты. Этим и можно объяснить необыкновенно высокий процент убитых в 1882 году.

Отсюда видно, что работы на алтайских заводах и рудниках наиболее опасны для жизни рабочих; работы на казенных заводах дают наименьший процент убитых; частные заводы и рудники по отношению убитых занимают среднее место. Наибольший же процент раненых приходится на казенные заводы, хотя величину этого процента можно объяснить и тем, что регистрация несчастных случаев ведется здесь исправнее, чем на других заводах.

ПРИПИСНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Приписные крестьяне имели двойное отношение к горному ведомству: 1) они обязаны были исправлять некоторые работы для заводов и 2) из них набирались мастеровые.

Численный состав приписных крестьян определялся:

[Приписные крестьяне]	1760 г.	1761 г.	1781 г.	1808 г.	1844 г.	1853 г.	1860 г.	1861 г.
Ревиз[ских]душ муж[ского] пола	10 935	40 008	54 750 ¹	64 948	112 264	137 038	145 584	145 612
К работе прип[исаны]	все	23 768	37 529	56 017	112 264	137 038	134 029	137 772 ^{1/4}

Обязательные работы приписных крестьян состояли в приготовлении и подвозке материалов для заводского действия, кроме добычи руды, которая лежала на обязанности горнорабочих. Однако при отсутствии точных инструкций до 1779 г. колыванское начальство иногда пользовалось приписными крестьянами и для горнозаводских работ. Конец этому был положен Манифестом 21 мая 1779 года, по которому приписные крестьяне могли быть употребляемы только на следующие работы: «1) рубку куренных дров; 2) разломку куч и возку из куреней на заводы угля; 3) рубку дров на обжигание флюсов²; 4) возку с рудников добытой готовой руды на заводы, а также песков и всяких флюсов; 5) дело и починку плотин, в том единственном случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут». На всякие другие работы, или на эти же, но сверх установленного размера их на душу, крестьяне могли быть нанимаемы только по их согласию. С 1795 г. для

¹ В 1781 г. приписные крестьяне были в следующих уездах:

Колыванском	16 936	Семипалатинск[ом]	1 369	Указом 3 марта 1797 г. из ведения заводов исключены ачинские, каинские и др. дальние крестьяне, вместо которых велено приписать ближайших к завод[ам]
Бийском	15 138	Каинском	1 852	
Кузнецком	10 287	Красноярском	295	
Томском	8 672	Ачинском	151	

² Вещества, облегчающие плавку руд.

более правильного и постоянного обеспечения заводов рудой были образованы из горнозаводских людей особые урочные служители, обязанные доставлять на заводы определенное количество руды, а потом и разломка угольных куч (п[ункт] 2) была передана также урочникам–кучникам. Положением 1828 г. к этим работам была прибавлена и опалка заводских боров. Кроме этих заводских работ крестьяне не были освобождены ни от одной из повинностей государственной, земской и мирской.

Размер заводских работ определялся, с одной стороны, величиной подушной подати 1 р. 70 к., которая зарабатывалась на этих работах, с другой – установленной плакатами поденной платой. По плакату 1724 г. заработная плата была летом конному 10 к., пешему – 5 к., зимою: первому – 6, второму – 4 к. Указ 27 мая 1769 г. прибавил по 2 к. конному и по 1 к. пешему, и велено давать за проход от домов до заводов и обратно по 3 коп. за день (за 25 верст). Манифестом 1779 г. эта плата была удвоена против плаката 1724 г. и, следовательно, при одинаковой тогда подушной подати, заводские повинности крестьян уменьшились, и кроме того, с этого времени плата не зачиталась самим горным начальством в подушную подать, а выдавалась крестьянам, которые с этого времени по платежу податей ведались с гражданским начальством.

В зависимости от величины подушной подати 1 р. 70 к. и установленной плакатной платы, по словам Германа, приписные крестьяне должны были находиться на обязательной работе в году каждый пеший летом 17 дней, каждый конный – $8\frac{1}{2}$, а зимой первый – $21\frac{1}{4}$, второй – 14 дней. Положение 1828 г. уже прямо определяет для пеших 22 дня в году, «в течение которых полагается вырубить на душу такое количество курен[ных] дров, какое заводскими учреждениями назначено». Для конных назначено 15 дней на душу на следующем основании: 1) крестьянин должен иметь на каждую душу один воз с лошастью; 2) для возки клады рабочего времени в сутки определяется 12 час.; 3) в каждый час назначается путевого ходу 3 версты; 4) тяжесть клады на воз должна составлять 20 пуд. На основании этих соображений, а также и местных условий работы, заводское начальство еще в прошлом столетии установило следующие нормы: дроворубам платилось 45 коп. за куб[ический] сажень¹ и для отработки 1 р. 70 к. подушных они должны были нарубить $3\frac{7}{9}$ куб. саж[ени] в год на каждую ревизскую душу; конный за свою поденную плату зимой 12 коп. должен был привезти воз в 20 пуд. на 30–верстное расстояние; если же возка была далее этого, то за излишнюю версту приплачивалось по одной деньге ($\frac{1}{2}$ к.); таким образом, натуральная заводская повинность для конных выражалась в зависимости от расстояния; на душу приходилось, например, перевезти $25\frac{1}{2}$ короба угля (вес короба с углем принимался в 20 п[уд.]) на расстояние 7 верст, или

¹ А за время дороги получали по 3 к. в день, считая на день 25 верст.

11 коробов на 31 вер[сту]; или 927 пуд. руды на $2\frac{1}{3}$ версты и пр. Эти нормы, уставленные для отработки подушной подати по низким плакатным платам прошлого столетия, так и остались до самого освобождения, несмотря на то, что за этот почти столетний промежуток времени самые основания для определения натуральной повинности значительно изменились: подушная подать пред освобождением крестьян была 2 руб. 29 коп., а рабочая плата за это время увеличилась в несколько раз. Сам Кабинет в своем докладе 1862 года говорит: «заводские работы стоили самим крестьянам не менее 5 р., не считая платы, которую выдавала им казна». А эта плата равнялась подушной подати. Да и в прошлом столетии эти повинности стоили в действительности в несколько раз больше 1 р. 70 к.; это видно, например, из мирских приговоров тогдашнего времени о найме подрядчиков для исправления этих повинностей. Нужно заметить, что для выполнения обязательных работ крестьяне имели право нанимать за себя подрядчиков; до 1828 г. каждый наемщик мог подрядиться только за одного крестьянина, а с этого времени ограничение было уничтожено и подрядчики стали брать исполнение работ за десятки и сотни душ. В этих приговорах цены за натуральную повинность доходили до 30 и 60 р. ас[сигнациями] на душу. Реформа 1828 г. о подрядах сделала огромный переворот в экономической жизни приписных крестьян. Практика подряда за других широко распространяется, принося громадные удобства для заводов (лучше иметь дело с одним подрядчиком, чем с сотнями крестьян) и, с другой стороны, облегчая возможность экономической кабалы состоятельного над бедными. Крестьяне, обязанные работать далеко от своих селений, сдавали свои души подрядчикам за высокие цены, а сами нанимались в своей деревне или к ближайшему подрядчику выполнять те же работы, но за более низкие цены. Например, дроворубы, получавшие от горного ведомства по 45 к. за каждую сажень своих обязательных работ, сдавали свои уроки подрядчикам за эту же или высшую цену, если работа была далека или если в семье был один работник, не имевший возможности покинуть свое хозяйство, а сам нанимался вблизи иногда на ту же дроворубную работу, но уже по 25 и 30 коп. за сажень. Вследствие этих и многих других причин хозяйства крестьян, по словам старожил, были запущены. Иногда целая деревня оказывалась в неоплатной кабале какого-нибудь одного или нескольких подрядчиков, на которых работали уже не 22 законных дня, а целое лето, иногда и круглый год.

Назначение и расклад работ происходили таким образом: ежегодный Горный совет из управляющих рудниками и заводами определял общую сумму работ, какую должны исправить крестьяне, вычисляя эту работу в «душах» и по указанным выше нормам. Число этих душ не должно было

превышать числа рев[изских] душ; но иногда их определялось и меньше. По IV ревизии 1781 г. всех приписных крестьян было исчислено 54 750 д[уш] м[ужского] п[ола], а на работы выписано было 37 529 д[уш], из них 9 441 пеших (дроворубы) и 28 088 конных (возчики угля, руды и флюсов¹), в 1808 году считалось 64 948 рев[изских] д[уш], а на работу приписано 56 017¹/₂ д[уша] (17 490 пеш[их] и 38 527¹/₂ – кон[ных]); в 1844 году работа была разложена на все рев[изские] души 112 264, из них 22 999³/₈ пеш[их] и 89 264⁵/₈ кон[ных]; то же было и в 1853 г.

Пред освобождением к 1 янв[аря] 1861 г. приписных крестьян, употреблявшихся в работу, считалось 133 910 душ, из них на рубку дров назначалось 22 970 д[уш], на перевозку угля – 64 659 д[уш] и перевозку руды – 45 981 душа, кроме урочников. «Этот труд крестьян, – говорится в докладе Кабинета 1862 г., – доставлял заводам ежегодно до 85 тыс. саж[ен] куренных дров, до 270 тыс. коробов двадцатипудового веса, так что общий вес горючего материала простирался до 5 400 тыс. пуд.; всех руд – не менее 4 100 тыс. пуд... с причислением потребных заводам флюсов, все количество плавильных припасов, которые ежегодно надлежало перевозить на заводы, составит сумму не менее 10 мил[лионов] пуд.; из них доставка 8¹/₂ и даже 9 мил[лионов] составляла повинность обязанных крестьян; остальное перевозили урочники (4 311 д[уш]) и частью вольные возчики). Число последних по их ничтожности, впрочем, нигде не определяется. «Такова сумма перевозимой тяжести, – говорит далее доклад, – но чтобы представить всю огромность крестьянского труда, необходимо принять в соображение чрез какие расстояния перевозятся руды и уголь. Должно сознаться, что ни один горный округ не только в России, но и во всей Европе, не представляет таких в хозяйственном отношении неудобств, как заводы Алтайские». Далее говорится о дальности расстояния рудников и лесов от заводов, о неудобствах гористой местности для перевозки и проч[ее].

Горное Правление (а до 1828 г. – Канцелярия Горн[ого] Начальства), получив определение Горного Совета, распределяло работы по волостям. Одно время (в конце прошлого столетия²) горное начальство распределяло работы только по уездам (нынешним округам); по волостям же распределял работы особый уездный съезд из мирских выборных (по 2 чел[овека] от волости или слободы), под председательством исправника. Но этот

¹ За 1781 год мы приведем из Германа подробности распределения рабочих: пешие на обжигание угля – 8 766 душ и на обжигание штейнов – 672 д[уши]; конные на возку угля – 13 715 д[уш], флюсов – 496 д[уш]; на возку руды: 1) с Салаирского руд[ника] в Барнаул – 4 124, Павловск – 1 784, Сузун – 4 616, Гаврилов[ский] – 295; 2) со Змеиногор[ского] руд[ника] в Колывань – 558, Алейский зав[од] – 800 душ, Локтевский – 1 000 и в Змеиногорск с его рудников – 700; всего – 37 529.

² Т.е. XVIII в. (Ред.)

порядок продержался недолго и, кажется, никогда не был санкционирован законом.

При распределении работ внутри волости существовал порядок, определенный еще «Екатеринбургским учреждением» Петра I (1723 года снова подтвержденным и в 1739 г.) и на тех же основаниях развитый законодательными актами Екатерины II: «Учреждением об Ижевских и Воткинских заводах» (1763 г.) и упомянутым уже Манифестом 1779 года. Порядок заключался в следующем: нижние земские суды¹ или капитан – исправники, а, впоследствии, так называемые земские управители, получив от Горного правления общий расклад работ по волостям, передавали его принадлежности в волостные правления, а последние для расклада приглашали мирских раскладчиков. Раскладчики по закону выбирались по одному от каждых 15 дворов, но крестьяне обыкновенно держались другого порядка: выбирали одного, 2 или 3 раскладчиков от каждой деревни, даже если в ней было 2–4 двора. Такой порядок был узаконен Екатеринбург[ским] учреждением 1739 г. и определением Канцелярии Горного начальства 1748 г., по которому следовало выбирать в каждом селении двух раскладчиков: одного от богатых («прожиточных»), другого – от бедных («маломочных»). Порядок выбора с 15 дворов по I установлен [в] 1828 г., но Горное правление и позднее допускало принятый крестьянами выбор раскладчиков от каждого селения. Раскладчики приводились к присяге, что они «ни по родству, ни по дружбе, ни по другому какому пристрастию в назначении к работам не будут отягощать одних крестьян перед другими, и учинять оное уравнительно и по чистой совести». Управителям, волостным правлениям, и сельским старшинам предписано было не вмешиваться в расклад работ присяжными раскладчиками, под страхом ответственности по законам. Горное же правление могло поверять эти расклады только с формальной стороны, т.е. удостоверяться, вся ли определенная на волость работа разложена на крестьян, и число раскладчиков было ли такое, какое определено по закону. Если Горное правление замечало явную несправедливость в распределении работ, то предлагало обществу рассмотреть расклад помимо раскладчиков и составить особый мирской приговор, который и вступал в силу, хотя бы им подтверждался несправедливый, по мнению Горного правл[ения], расклад. Затем составленные и проверенные расклады рассылались по горным конторам. И изменения в них допускались только по новому приговору раскладчиков.

Как видно из раскладочных росписей, которые пришлось просмотреть (с 1770 по 1850 год с некоторыми перерывами), мирские раскладчики руководствовались такими общими правилами:

---

¹ Почти то же, что нынешние уезд[ные] полицейские управления.

1) За основу при распределении работ принимались только наличные годные работники; поэтому в расклад не включались умершие, бежавшие, находящиеся в тюрьме, взятые в рекруты.

2) Но в расклад не включались также и те годные работники, которые не были записаны в ревизию, хотя бы и достигли ко времени расклада соответствующего возраста.

3) Возраст годного работника в большинстве раскладов определен от 15 до 60 лет; но в виде исключений записывались в расклад люди моложе и старше этого возраста; встречаются, напр., в раскладах мальчики 13, 12 и 11 лет и старики 62–65 лет.

4) Количество работ, наложенных на каждого годного наличного работника, колеблется от $\frac{1}{8}$ «души» до 4 душ, с градацией по $\frac{1}{8}$ души, что составит более 30 разрядов работников. Но высшие и низшие разряды встречаются редко, в большинстве же раскладов количество работ колеблется от $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ души на работника; число разрядов редко спускается ниже 10, обыкновенно же 15–20. О существовании различных окладов упоминает и историк Герман: «За всем тем в рассуждении, как в заводские работы по именному 1763 г. апреля 9 ч[исла] указу, располагаются *одни только годные* в работы, то за умертвием и другим случаем забывающих, а также некоторые и по малоимуществу своему, обществом соображаясь с состоянием каждого и располагаемы бывают зарабатывать вместо одной за полторы и до 2, маломожные от $\frac{1}{8}$ и за $\frac{1}{4}$ души».

5) Выбранные в общественные должности освобождаются или от всей работы или от некоторой доли ее.

6) Затем при назначении работ принимается во внимание: бедность, неимение лошадей, увечье и дряхлость, болезнь, одиночество и сиротство и т.п. обстоятельства, сообразно с которыми крестьянин или совсем освобожден от работы, или она назначалась в меньшем размере, чем на прочих; неимевшие таких изъянов, а напротив обладавшие некоторыми преимуществами перед прочими (напр., когда в семье было много работников и т.п.) облагались большим количеством работ.

7) Такие бедствия, как пожар, давали пострадавшему право на большую или меньшую льготу, или совсем освобождали его от работ.

Ввиду того, что прежние ревизии происходили одна после другой часто¹, то нынешнего коренного различия между наличной и ревизской муж[ской] душой не могло выработаться в раскладочных системах. Число рев[изских] душ очень близко было с наличными, особенно при ревизиях чрез 4, 7, 12 лет. Только ныне, когда последняя ревизия была уже более

¹ Первая ревизия была в 1722 г., II – 1743 г., III – 1761 г., IV – 1781 г., V – 1795 г., VI – 1811 г., VII – 1815 г., VIII – 1833 г., IX – 1850 г., X – 1857 г.

---

30 лет, разница между наличным и ревиз[ским] населением громадна и в экономической жизни крестьян имеют значение лишь налич[ные] души и из них «бойцы» или годные работники, а рев[изская] душа осталась лишь в окладных листах казенных палат.

Приписные крестьяне до 1779 г. как в гражданском, так и в хозяйственном отношении состояли в ведении Канцелярии Кольвано–Воскресенского горного начальства, только суд был гражданский. С учреждением в 1779 г. Кольванской области, все дела и даже по отношению заводских повинностей и земской полиции перешли в ведение областного, а затем губернского начальства. Такой поворот был крайне невыгоден для заводской производительности, хотя, быть может, для крестьян оттого и были облегчения. Заводы вдруг уменьшили свою производительность, и это было причиной постоянных жалоб тогдашнего заводского управления, не видевшего кроме принудительной силы чрез свои воинские команды других способов заставлять приписных крестьян обрабатывать свои повинности. С самого назначения Меллер ходатайствует (в 1780 и [17]82 г.) об увеличении власти горного начальства и о возврате к прежнему порядку. Кабинет вначале отклонял эти ходатайства, не желая вводить двойственность в управлении только что учрежденной области. Наконец, уменьшение ежегодной выплавки с 800 с лишком пуд[ов] до 400 пуд. серебра заставило Кабинет обратиться к прежнему порядку. Сначала указом 1785 г. была отделена от областного управления хозяйственная часть, а затем по Высочайше утвержденному докладу 1797 г. была восстановлена в полной силе и бывшая Канцелярия Кол[ывано]–Воскресенского горного начальства. А когда Тобольское губернское правление не хотело выпустить из своего ведения земской полиции на Алтае, то Кабинет донес Сенату, что это правление «в противность Высоч[айшему] утверж[дению] доклада вмешивается в дела, до управления крестьянами касающиеся», изъясняя между прочим, что до открытия Кольв[анской] области и губернии кольванские и приписанные к ним селения «управляемы были Канцеляриею Кол[ывано]–Воскр[есенского] гор[ного] начальства так, что не только недоимок подушного и оброчного оклада, ниже в доставлении оных куда следовало, в течение того времени неисправностей не было; равномерно и все работы, расположенные на приписных крестьян, всегда в свою пору исправлялись и недоработок от одного к другому году никогда не оставалось; но когда приписные селения поступили в ведомство и управление Кольв[анской] и Тобольск[ой] губ[ерний], которые заводскому управлению уже совсем не подчинены, тогда от невыполнения горных и заводских работ по независимости их от заводской команды воспоследовали немалые упущения и затруднения». Сенат повелел не вмешиваться Тобольскому Губ[ернскому] правлению в дела Канцелярии горного начальства.

В 1807 г. в жизни крестьян, приписанных к казенным и частным горным заводам, произошла очень важная реформа, освободившая из всей массы 235 тыс. приписных крестьян к этим заводам более 217 тыс. душ. Из приписных крестьян всех казенных и частных заводов были образованы, так называемые, «непременные рабочие». В состав их вошла незначительная часть – 17 850 душ приписных крестьян, живших или в горнозаводских селениях, или вблизи их; остальная масса крестьян была освобождена от заводских работ и вообще от обязательных к заводам отношений. За то непременные работники были навечно прикреплены к заводам и почти во всем сравнены с горнозаводскими людьми. Они набирались не в виде рекрутов, а были приписаны целыми селениями и семьями. При приписке они получали одновременно 3 лошади и упряжь каждый. Деньги на это были собраны с оставшихся свободных приписных крестьян. Жалованье шло от заводов 20 р. в год и кроме того фураж на лошадей. Эта реформа не коснулась Алтая; Кольв[ано]–Воскр[есенское] начальство и Кабинет не признали ее выгодною для своих заводов.

Изданным в 1828 г. первым полным законом о горнорабочих и приписных Алтая эти последние уже поступили в ведение общих судов и полиции, но по административному, хозяйственному управлению и заводским повинностям они оставлены по-прежнему в ведомстве начальства Кольв[ано]–Воскр[есенских] заводов, для чего в округе учреждалось 10 земских управителей, подчиненных горному начальству, которые вместе с тем, как отдельные заседатели земских судов, ведали дела крестьян со стороны общего суда и полиции. Помимо наряда крестьян на работу управителям, между прочим, поручался: 1) сбор казенных, земских и мирских податей и повинностей; 2) исправление рекрутских повинностей; 3) дела по переселению и наделению крестьян землями и лесами; 4) дела по увольнению крестьян в другие сословия; 5) ходатайства за крестьян по делам следственным, тяжбыным и судным; 6) наконец, составление ревизских сказок, собрание для горного начальства разных сведений и пр. Земские управители существовали до самого освобождения крестьян; большая часть их дел, кроме обязанностей к горному ведомству, перешла с 1861 г. к мировым посредникам, которых потом заменили нынешние крестьянские чиновники.

В 1861 г. марта 8 дня вместе с Положением об освобождении горнозаводского населения издан указ об освобождении и приписных алтайских крестьян, которые получали права сельских обывателей, одинаковые с остальным крепостным населением России, освобожденным по Положению 19 февраля; лишь относительно землевладения и податей они поставлены в исключительные условия; в Указе говорится: п[ункт] 2) «Впредь до приведения в известность и разграничения земель Алтайского горного округа,

предоставить крестьянам, в оном поселенным, пользование всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодьями в тех размерах, в каких ныне угодья сии в их пользовании состоят»; п[ункт] 6) «В замене нынешней издельной повинности приписных к Алтайским заводам крестьян и взимаемой с них в казну оброчной подати по 2 р. 29 к. с души, взимать с них на будущее время по 6 р. в год с ревиз[ской] души с тем, чтобы из числа сего сбора 1 р. 50 к. поступали в Госуд[арственное] Казначейство, а остальные 4 р. 50 к. представлялись в Кабинет Его Императорского Величества... За сим, крестьяне обязаны будут выплачивать подушную подать, земские и общественные сборы на общем основании». Освобождение было произведено не вдруг; в 1861 г. крестьяне оставались на старом положении, в 1862 г. была сложена только треть издельной работы и заменена соразмерною частию оброка, т.е. 2 рублями, в 1863 г. слагалась вторая треть работы и заменялась новыми 2 р. и, наконец, 8 марта 1864 г. произошло окончательное уничтожение обязательных горных работ и замена их 6-рублевым оброком. Этот оброк в силу п[ункта] 6 Указа является ничем иным, как вознаграждением Кабинета за уничтоженные прежние обязательные работы для заводов. Такое наше заключение подтверждается самим Кабинетом, который, готовясь к вольнонаемному труду, делает следующие исчисления стоимости крестьянского обязательного труда в заводском производстве: «Заводские работы стоили самим крестьянам не менее 5 руб. на душу, не считая платы, которую выдавала казна... Работы крестьян были барщиною, примененною не к земледелию, а к горному промыслу, ибо по удалению Алтайского округа и по самой природе его никакой иной барщинный труд не мог бы доставлять Кабинету таких выгод, как выплавка серебра и меди. Если крестьяне на основании п. 6 Высочайшего указа 8 марта будут впредь платить вместо натуральной повинности заводской и поступившего в Госуд[арственное] Казначейство поземельного оброка по 6 руб. с души и $\frac{3}{4}$ этой подати обратится в доход Кабинета, а остальная $\frac{1}{4}$ поступит в Госуд[арственное] Казначейство, то по расчету душ нынешнего крестьянского населения этою мерою Кабинету обеспечен будет ежегодный доход не менее 637 тыс. руб. и затем, чтобы иметь от заводов прежние прибыли в 1 мил[лион], собственно выплавка металлов должна приносить не более 364 тыс. руб.».

Этот временный закон о 6-рублевом оброке, являющемся как бы выкупом прежнего барщинного труда, остается и поныне, и он распространен не на одних бывших приписных крестьян, но одинаково и на вновь причисляющихся сюда с 1865 г. переселенцев из других губерний России.

Н. Зобнин

в) Арендное хозяйство Кабинета

(После крепостной¹ реформы доходный бюджет Кабинета перемещается с горного на арендное хозяйство. Оброчная подушная подать в доход Кабинета; доход с земель и леса, ярмарок и весов. Попудный соляной сбор и подать с золота; поведерная плата с винокурения. Определение расходов и чистой прибыли от арендного хозяйства).

До крепостной реформы почти все доходы Кабинета от Алтайского округа считались доходами от одного горного дела. Все население округа, за исключением городского и нескольких сот мужских душ государственных крестьян, было крепостное, которое пользовалось земельными и прочими угодьями бесплатно. За десятилетие с 1850–[18]59 г. пред освобождением крестьян, Кабинет, определяя средний годовой доход (чистый) с Алтайского горного округа в 1 065 тыс. руб., предполагал, что по крайней мере $\frac{3}{4}$ этой суммы дается обязательным трудом приписных крестьян, а доходы собственно от горного дела тогда считал не более как в 363 тыс. руб., но это вычисление относилось к дешевому труду мастеровых, которые также были крепостными. Ошибочность этих исчислений обнаружилась скоро; доход от горного дела при свободном труде упал ниже и этого предположения, а со середины [18]70[–х] годов заводы начали давать убытки, вследствие чего и сократили свою производительность. Со середины [18]80[–х] годов производительность поднимается, но убытки продолжают и даже растут; в 1881 г. от металлов получено убытку около 170 т[ыс.] руб., в [18]85 г. – 26 897 р., в [18]87 г. – 111 104 р., в [18]89 г. – 122 668 руб.

После крепостной реформы центр доходов Кабинета переместился с металлов и вообще собственного горного хозяйства на земли и арендные статьи. Главные из этих доходных статей состоят из: 1) подушного оброка с бывших приписных крестьян и инородцев, и с земель, отведенных по уставным грамотам бывш[им] мастеровым; 2) аренды со свободных незаселенных земель; 3) лесного дохода; 4) аренды с торговых площадей и торговых весов в горнозаводских селениях; 5) аренды с соляных озер; 6) подати и аренды с частных золотых приисков, лежащих на кабинетских землях; 7) поведерной платы с существующих заводов винокуренного и пивных. Поступление всех этих доходов при различных управлениях было крайне различно и колебания обуславливались не одним только естественным ростом экономической жизни страны, но едва ли, главным образом, не теми причинами, на которые указывал проф[ессор] Йосса, говоря о злоупотреблениях в горном хозяйстве. По главным статьям, для сравнения, мы

¹ Крепостная реформа – имеется в виду отмена крепостного права в 1861 г. (Ред.)

приводим доходы за некоторые годы управления Эйхвальда, Смирнова и Журина.

1) *Подошный земельный оброк*, установленный взамен прежнего обязательного труда, является ныне главным источником кабинетского дохода с Алтайского округа. Уже вначале, при введении реформы, Кабинет вычислял его приблизительно 637 тыс. руб.; ныне он значительно более этого. В доход Кабинета с бывш[их] приписных крестьян, с казаков и вновь приписанных переселенцев взимается 4 р. 50 к. с ревиз[ской] души; с оседлых инородцев – по 2 р. 41 к., с кочевых – по 2 руб. Земельный оброк с бывш[их] мастеровых взимается на основании уставных грамот подесятинно $2\frac{3}{4}$ к. с дес[ятины]. Поступление этих оброков за последнее время было [в руб.]:

[Поступление оброков]	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
Число душ с обр[очной] податью	-	-	-	185 369	190 360	195 267
Оброк с них	721 314	792 566	801 580	834 160	856 625	878 701
Оброк с быв[ших] мастеров[ых]	4 169	2 758	2 426	2 493	2 572	1 831

Этот доход является только с освобождения алтайского населения от обязательных работ. Взимание его лежит на обязанности казенной палаты. Здесь в дополнение к статьям «Платежи и повинности» и «Недоимки» заметим, что казенная палата кабинетский оброк ежегодно вносит полностью и потому по счетам ее с Кабинетом недоимок не числится. Особого расхода по взиманию оброка Кабинет не несет.

2) *Аренда незаселенных земель*. Сдача в аренду земель происходила и до 1861 г. по преимуществу городским жителям и различным промышленникам под займки, мельницы, мелкие заводы и пр. Серьезное значение эти доходы приобретают уже после реформы и в особенности после разрешения в 1865 г. свободного доступа на Алтай переселенцам других губерний. Арендная цена по всему Алтаю однообразная и установлена давно: пашня и сенокос по 40 к., выгон и залежь до [18]89 г. – 40 к., ныне – 20 к., под пасеки, мельницы и огороды – 1 руб. за десятину¹. Для скотопромышленников, пасущих по скотопрогонным дорогам гурты скота, плата с головы по 15 к. за крупный и по 5 к. за мелкий скот. В 1889 г. сдавалось в аренду пашни 89 029 дес., покоса – 35 423 дес., залежей и выгона – 43 482 дес., под пасеки – 6 850 дес., а всего – 174 783 дес., из них городским обществам – 3 132 дес. (Барнаул[ьского] мещан[ского] общ[ества] – 1 796 дес., Кольван[ского] городского общ[ества] – 911 и Семипалат[ин-

¹ Есть участки, сдающиеся с торгов, и тогда цены значительно выше: рыбные ловли в Кузнец[ком] окр. – от 1 р. 80 к. до 50 р. за участок, в Томском – жерновые ломки до 25 р. 50 к. десят[ина], в Семипалат[инском] окр. на Белогаче десятина от 40 к. до 2 руб. 50 коп.

ского] гор[одского] общ[ества] – 425 дес.), целым обществам крестьян – 307 дес. и остальное – отдельным лицам крестьян, купцов, мещан. Лучшие земли считаются в Белогачской степи Бийского окр., в которой арендовано, кроме пространств под гурты, 86 439 дес. Доход от всех этих земель определялся [в руб.]:

[Доход от аренды]	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
С земель и заимок	15 656	19 078	16 514	29 367	44 080	45 841
» Белогачской степи	4 975	3 818	4 050	15 445	26 207	28 838

3) Лес доходной статьей является также только после 1861 г.; до этого времени все население Алтая получало лес бесплатно, а частных огнедействующих заводов не было. После реформы бесплатное пользование лесом было ограничено (см. «Платежи и повинности» стр. 174–175) и на Алтае, вопреки воспрещению, изданному еще в прошлом столетии¹ и подтвержденному указом 1822 г. – строить частные лесопильни и огнедействующие заводы и машины, после 1861 г. появилось несколько таких заводов. Все это вызвало спрос на лес, отпускаемый за попенные деньги по таксе, близкой с таксой для лесов Запад[ной] Сибири Мин[истерства] госуд[арственных] имущ[еств]; напр., сосновый лес 4 саж[ени] 3 вер[сты] – от 8 к., еловый – от 6 коп. за бревно; кубич[еский] саж[ень] дров соснов[ых] – от 70 коп., березовых – от 80 коп., хворост – от 20 коп. и проч. Заботы о сбережении лесов начинаются очень рано; об этом говорится еще в первом указе 1747 г., по которому заводы от Демидова перешли в Кабинет и напоминалось в последующих 1761, 1779 гг. и пр.; в указе 1785 г. повелено разделить леса на лесосеки и принять меры к выращиванию лесов на вырубленных местах. С 1844 г. начинается приведение боров в известность. В конце [18]50[–х] годов считалось 43 бора, в которых было 2 573 679 дес., а все лесное пространство в 5 м[иллионов] десятин. Для охраны и заведывания ими состояло 5 лесничих и 19 подлесничих, и 160 конных лесников. В настоящее время началась правильная таксация лесов, которая еще далеко не приведена к концу; к 1890 г. таксированных боров было два – Бобровский и Барнаульский. Число лесничих ныне определено 13, хотя имеется только 11. Стража против прежнего значительно увеличена и реорганизована. Всего лесу считается до $5\frac{1}{3}$ мил[лиона] дес., но в известность приведено только $2\frac{1}{2}$ мил[лиона] дес.

На лесных доходах всего лучше видна разница различных управлений. Поступление лесных доходов в последнее время быстро растет. Всего поступило попенных денег и штрафов за самовольные порубки [в руб.]:

¹ Т.е. в XVIII в. (Ред.)

[Доходы от леса]	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1882 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
Попенных денег	12 358	21 134	32 954	38 193	84 436	88 358	118 206
Штрафов	576	7 592	1 489	1 859	3 778	15 435	8 326

Более быстрый рост штрафов пред обыкновенными доходами показывает, с одной стороны, на улучшение надзора за лесами, с другой – на более строгое (в середине июля 1890 г. было до 2 700 протоколов о самов[ольных] порубках) отношении горного ведомства к тем лесам, которые прежде считались, как находящиеся в пределах селенческих граней – крестьянскими, и на которые в последнее время заводоуправление, на основании ст[атей] 491 и 494 Лес[ного] Уст[ава] смотрит, как на принадлежащие заводам, и за порубки в них привлекает к штрафам. Впрочем, с полной последовательностью взгляд этот еще не проведен в практику лесохранения и пока все зависит от того или иного взгляда на этот вопрос отдельных лесничих. Крестьяне же считают плановые в селенческих гранях леса своими, основываясь на п[ункте] 2 Указа 8 марта 1861 г., где, между прочим, сказано: «предоставить крестьянам пользование всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодьями в тех размерах, в каких ныне сии в их пользовании состоят». Не рассматривая этот спорный вопрос по существу, можно вперед предположить, что охранение поселенческих лесов, состоящих по преимуществу из мелких порослей, колков, забок, вряд ли окупится для заводоуправления и сохранит леса в такой степени, как это достигается при охране их самими сельскими обществами, считающими их своим наделом («Землевл[адение]» стр. 37–41). Крестьяне в некоторых местах принимают меры даже к охране кабинетских боров. Недавно несколько деревень Томского окр[уга], в видах отращивания леса, ходатайствовали пред Алт[айским] управлением о воспреещении отвода леса из близлежащего у них бора, сильно поредевшего и об отводе им для пользования Салаирского бора, лежащего далеко от них.

4) *Доход с торговых площадей* и рыночных *весов* на площадях в горнозаводских селениях является также с 1861 г., когда в горнозаводских селениях является также с 1861 г., когда горное ведомство по уставным грамотам выделило усадебные земли мастеровым из заводских земель. Поступление этих доходов было следующее [в руб.]:

[Доходы]	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
С площадей	1 053	1 031	1 082	1 444	1 971	1 817
С весов	768	760	105	1 504	1 266	1 215

5) *Аренда с соляных озер.* Этот доход Кабинета, как и доход с металлов, принадлежит к самым древним и более или менее постоянным. Из статьи о «Соляном промысле» мы видели, что разработка некоторых озер Алтая началась еще в прошлом веке. С отменой акциза добыча соли увеличилась, а вместе с этим и ежегодные доходы Кабинета за аренду соляных озер после 1880 г. возросли. Получено [в руб.]:

	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
С соляных озер	4 508	17 003	11 105	26 837	10 294	7 381

О разделении озер на участки, об арендной цене на эти участки нами было говорено уже в вышеупомянутой статье.

6) *Подать и аренда с частных золотых помывок* – доход послереформенный, так как частная золотопромышленность была дозволена на Алтае только с 1862 г. Эта статья дохода состоит из подати и подесятинной платы с тех приисков, которые в черте, отведенной для свободных поисков золота и 2) из подати с добытого золота и арендной платы с двух золотопромышленных компаний: Алтайской – Асташева и Южно-Алтайской – Мальцева, которые по особому договору арендуют у Кабинета прииски, находящиеся вне отведенной для свободной золотопромышленности черты; наконец, тут же незначительный доход от продажи золотых приисков. Поступление этих доходов было [в руб.]:

[Доходы]	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Подать золотом со своб[одных] приисков	88 180	85 291	89 987	97 707	77 566
Подесятинная плата с них	6 034	6 034	20	–	–
Подать и аренда с Мальцева и Асташева	55 250	61 750	67 600	80 600–144 578	–
От продажи золот[ых] приисков	10	45	9	–	–

До учреждения в 1883 г. особого отделения для сплава и проб золота с частных золот[ых] приисков, преобразованного в 1888 г. в Томское горное управление, Кабинет получал значительные доходы с частных золотопромышленников за сплав и пробу их золота. В 1877 г. они доходили до 7 234 р., в [18]80 г. – 8 507 р. Теперь эти доходы перешли в казну. С 1887 года уничтожена и подесятинная подать с приисков.

7) *Сбор с винокуренного и пивоваренных заводов.* На Алтае только один винокуренный (Платонова) и пивной (Ворсина) завод. Поведерный сбор с выкуренного вина в доход Кабинета установлен по 5 к. до 50 тыс. ведер выкурки и по 10 к. с каждого ведра сверх этой выкурки;

поведерный сбор с пива – 1 к. с ведра. Поступление этих доходов было [в руб.]:

[Доход]	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
С вина	2 555	9 596	9 090	8 172	11 789	9 995
С пива	–	–	–	43	38	46

Чтобы представить себе выгодность арендного хозяйства Кабинета, сопоставим доходы с расходами его [руб.]:

[Статья дохода, расхода, прибыли]		1881 г.	1885 г.	1887 г.	1889 г.
Оброк и аренда земель[ых] угодий (п[ункты] 1 и 2):	доход	824 580	881 473	929 184	955 211
	расход	11 082	173 547	111 337	67 304
	прибыль	813 498	707 926	817 847	887 907
Леса (п[ункт] 3):	доход	34 443	84 435	103 793	126 532
	расход	23 474	64 347	65 489	71 814
	прибыль	10 969	20 088	38 304	54 718
Горные подати и аренда с золот[ых] прииск[ов] (п[ункт] 6)	доход	Не	149 474	15 7616	222 144
	расход	известно	22 759	12 092	15 729
	прибыль		126 715	145 524	206 415
Торгов[ые] площади, весы, солепромышл[енность], винокурен[ная] и пивов[аренная] (п[ункты] 4, 5, 7)	доход	21 392	40 940	29 157	20 454
	расход	Не	12 476	2 789	2 946
	прибыль	известно	28 464	26 368	17 508
Всего прибылей			883 193	1 028 043	1 166 548

Этим, собственно говоря, не исчерпываются все доходы не горнозаводской части; от 10 до 15 тыс. ежегодно остается от разных статей, которых назначение не для извлечения доходов; в [18]88 г. получено: от продажи провианта рабочим (115 р.), от пансионеров в окружном училище (1 785 р.), от вольной продажи медикаментов в аптеке (2 566 р.), плата за лечение не горнозаводских лиц в госпиталях (3 074) и пр., сюда же относятся частные доходы (108 р.) от Колыванской шлифовальной фабрики, работающей каменные вещи для Двора. Таким образом, в последние годы прибыли Кабинета от земельно-арендного хозяйства опять дошли до миллиона рублей, что получалось и в счастливую пору заводов при крепостном труде. Если мы на эту прибыль отнесем и те убытки, которые пока дает горнозаводская часть, то и тогда чистые доходы, например, 1889 года, выразятся в 1 043 880 рублей.

П. Г[олубев]

г) Частная золотопромышленность

(Начало частной золотопромышленности на Алтае с 1862 г. Число приисков, рабочих на них и количество добычи золота. Учреждение в 1880–[188]1 гг. частных компаний Асташева и Мальцева. Положение рабочих на приисках по сравнению их с рабочими на Обь–Енисейс[ком] канале. Контракты рабочих с золотопромышленниками).

После открытия в 1830 г. первых золотых россыпей на Алтае последний долго был закрыт для частной золотопромышленности. Россыпи, а до того и кварцевое золото добывалось только самим Кабинетом. Крепостная реформа положила конец замкнутости Алтая и с этой стороны. Опасаясь хищнической и неправильной разработки золота крестьянами, Кабинет в 1862 г. восточную часть округа от правого берега Томи в направлении к Телецкому оз[еру] открыл для частных предпринимателей на общих условиях для частной золотопромышленности в Сибири, лишь с тем изменением, чтобы горные подати, а до 1887 года и обычный подесятинный сбор, поступали в доход Кабинета. В управление Эйхвальда частные золотопромышленники были допущены и далее на запад от запрещенной черты. В 1880 г. по особому контракту с Асташевым и К^о, а в 1881 г. с Мальцевым и К^о богатые золотосодержащие площади по системам рр. Кондомы и Лебеда были отданы в частные руки. Образовались две большие компании «Алтайское золотопромышленное дело В. И. Асташева и К^о», и «Южн[о]–Алт[айское] золотопромышленное дело Мальцева и К^о».

Об успехе частной золотопромышленности с ее возникновения можно судить по нижеследующей таблице:

	Приисков	Рабочих	Добыто шлик[тового] золота		
			пуд[ов]	фун[тов]	зол[отников]
1865 года	12	491	28	14	58
1875 года	?	?	159	–	–
1879 года	129	4 955	131	35	6
1882 года	47	2 560	72	26	5
1885 года	56	2 746	78	23	48
1887 года	54	2 977	81	25	25
1889 года	63	4 014	95	30	–

Таким образом, частная золотопромышленность испытывала значительные колебания. Наибольший ее расцвет относится к началу [18]70–х годов (в 1874 году добыто шлик[тового] золота 163 п[уд.], затем к началу [18]80–х гг. она падает, дойдя в [18]82 г. до 72¹/₂ пуд., после этого опять

поднимается. В [18]60–х гг. наибольшая добыча золота была на приисках П. Кузнецова по р. Больш[ому] Абакану. С 1862 г. до [18]89 г. было объявлено всех приисков 614, но из них отведено только 253. Ныне на свободных землях за Томью было 37 приисков с 1 734 рабочими и $40\frac{3}{4}$ п[уд.] добычи; на[и]большие из них по своей добыче были: *Аннинский* по рч. Федоровке–А. Данилова ($9\frac{3}{4}$ пуда), *Пророко–Ильинский* по рч. Кызасу и К° Кузнецовых ($7\frac{1}{2}$ п[уд.]), их же *Митрофаниевский* и *Троицкий* по рч. Б. Кызасу (4 и 2 п[уд.]) и *Александровский* В.И. Асташева ($2\frac{1}{2}$ п[уд.]). В Северо–Алт[айской] золотопромышленной К° В.И. Асташева было 17 приисков с 728 рабочими и добыто шлихт[ового] золота 15 пудов, из них наибольшее по рч. Чентуку и Ортону. В Южно–Алт[айской] золот[о–промышленной] К° Мальцева было 9 приисков с 1 552 рабочими и добыча достигала 40 п[уд.], наилучшими приисками считались *Неожиданный* по ключу этого имени, затем по рч. Андабе, по Б. Каучану, системы Лебеда и пр.

В развитии этого дела громадное значение имеет положение рабочих на частных приисках. Некоторое представление об этом нам могут дать контракты с золотопромышленниками, эти официальные документы, по которым положение рабочих представляется, конечно, только с казовой¹ стороны. Однако знакомство и с ними оставляет впечатление поистине тягостное для всякого, кто о золотопромышленности знает только то, много или мало добывается у нас золота, а как и чьим трудом эти успехи достаются нашей промышленности, этого не найдет в отчетах. Мы рассмотрим контракты наиболее солидных фирм Асташева и Мальцева; впрочем, контракты их до того тождественны, что в большинстве случаев придется говорить об одном котором–нибудь из них.

Прежде всего, в контрактах поражает ничтожность платы за настоящую каторжную работу, производимую вдали от всякого человеческого жилья, где–нибудь в глухой тайге. Вот эти цены у Мальцева: с 1–го октября по 1–е марта забойщику 35 к., возчику и отвальному, и вообще поторжному рабочему (поденщику) – 30 коп. в день. С 1–го марта по 1–е мая забойщики получают 40 к., возчики, отвальные – по 35 коп., а прочие поторжные рабочие – по 30 к. С 1–го мая по 1–е октября забойщикам при вскрытии торфа конной отвалкой – 60 коп., а при промывке песков и разведках – 70 к., возчикам, свальщикам и поторжным рабочим – 40 коп. в день. Разнице в плате соответствует и разница выполняемых рабочими работ. В зимний сезон забойщик, возчик и отвальный обязаны выработать в день 1 куб. саж[ень], или 27 куб. арш[ин], в весенний сезон – $1\frac{1}{4}$ куб. саж[ени], или 34 куб. арш[ина] и летом – $1\frac{1}{2}$ саж[ени], или $40\frac{1}{2}$ куб. арш[ина]. Словом, прииску от установления таких уроков, кубический аршин обходился зимой $3\frac{1}{2}$ коп., весной – $3\frac{1}{4}$ к. и летом – немного меньше 4 коп. Отсюда видим, что кажущееся

¹ Так в тексте. (*Ред.*)

повышение платы рабочим есть на самом деле понижение ее в зависимости от затрачиваемых рабочими сил. В праздничные дни, а именно в воскресенья, в двенадцатые праздники и в табельные дни (за исключением во всем году 11 дней высоких праздников) рабочие обязаны являться на работу, но за удвоенную плату в «Южно-Алтайск[ом] золотопром[ышленном]». У Асташева же праздничная работа оплачивается лишь полуторною будничною платою, т.е. получавший 30 коп. в праздник, получает 45 коп., получавший 60 к. – 90 к. и пр. Помимо этих рабочих, составляющих главный контингент прииска, здесь принимаются еще нарядчики, плотники, кузнецы, шорники, молотобойцы, повара, кашевары, хлебопеки, караульные, дровопилы, водовозы, конюха и пр., все эти получают плату помесечно; из них только кузнец да главный нарядчик получают в зимний сезон до 15 р.; остальные в «Южн[о]-Алт[айском] золот[опромышленном]» получают от 9 до 12 р., а у Асташева – от 5 до 12 р., в весенний и летний сезон эти жалованья увеличиваются в таком размере: получавший зимой 9 р., весной и летом получает 10 руб. 50 к., получавшие 10 р. 50 к., получают весной 12 руб., а летом – 15 р.; двенадцатирублевые весной получают 15, а летом – 18 р. Некоторые рабочие с согласия управления приисков приводят с собою жен, которые также обязываются работать за плату от 3 до 4 р. 50 к. в месяц.

Ничтожность приисковых заработков отсюда видна сама собою. Самый исправный рабочий, ни разу в год не подвергавшийся штрафам, не имевший ни одного прогульного дня и, как вол, работая даже и в те дни, в которые по контракту он свободен (указанные праздники и один день в каждом месяце) и при всем этом такой рабочий забойщик заработает 166 р. 50 к., а всякий другой – 141 р. в год. Всего лучше эта ничтожность заработка бросается в глаза при сравнении его с заработками рабочих на Обь-Енисейском канале. В то время, как лучший приисковый рабочий (забойщик) получает в среднем за год 46 коп., а поденщик – менее 40 коп. в день, на канале стоящий «первой руке» до [18]89 года получал 80 коп., во «второй руке» – 70 к., в «третьей руке» и вообще поденщик – 60 коп.; ныне у всех на 10 коп. уменьшена плата. Выработка 1 куб. саж[еня] торфа или песку на прииске обходится поэтому от 85 до 94 коп., между тем как на канале она не обходится дешевле 1 руб. Соответственно поденным платам на канале получают и месячные рабочие. На канале, кроме того, рабочие не так изнуряют себя работой; они могут не работать по воскресеньям, во все главные праздники и табельные дни, за исключением экстренных требований со стороны начальника и производителя работ¹. Но что особенно

¹ Наибольшая разница между приисковыми работами и на канале заключается в том, что приисковые рабочие почти все поденщики, на канале же – урочные, которые в большинстве случаев свои уроки кончают к 3–5 часам дня и остальное время свободны. Ввиду этого на канале рабочие предпочитают становиться на срочные земляные работы, чем на легкие, но поденные. Плотники на канале получают 1 р. в день.

относительно работ бросается в глаза, так это то, что приисковые рабочие не только поторжные, а и вообще все, не свободны и ночью; их могут, по усмотрению управляющего, поставить и на ночную работу и притом на 12 часов сряду (с 6 [вечера] до 6 утра). Дневные работы, на которые рабочие «должны выходить немедленно по первому извещению без отговорок», продолжаются с 5 ч[асов] утра до 8 ч[асов] вечера (весной и летом), причем из этого исключается полчаса на завтрак и полтора часа на обед и отдых. Относительно работ, контракт приисковых рабочих связывает последних по рукам и ногам: рабочие обязаны работать во всякое время и «всякую работу безотговорочно»; они и канавы копают, и пилят лес, и выделывают кожи, готовят кирпичи, должны гнать смолу и деготь, жечь уголь, заниматься сенокошением, и проч., и проч., и за все это рабочие не имеют права требовать платы больше той, которая приходится им в месяц по вышеуказанной суточной таксе. Рабочие принуждены работать не только на приисках, но вне их, куда отправит хозяин; этого мало, – хозяин имеет право их даже передать другому прииску с другим хозяином на условиях первого контракта. Женщин, попавших на прииск и притом с разрешения приискового же начальства (без разрешения водить жен никто не имеет права), последнее обязывает непременно работать, в противном случае артель рабочих штрафуют от 3 до 6 р. в месяц. Приисковое начальство этих женщин может выгнать с прииска, если бы эти последние почему-либо имели несчастье не понравиться управлению, и удаление производится непременно на счет мужа. С другой стороны, эти женщины, раз попав на прииск, не могут добровольно выйти с него до общего срока контракта, заключенного их мужьями.

Приведение к полному подчинению и повиновению рабочего делается в каждом пункте контракта. В каждом из них приисковое управление вправе делать все «по усмотрению», а рабочие лишь призываются повиноваться. Они не имеют права уходить ранее контрактного срока, а приисковое управление имеет право их рассчитать в каждую минуту без объяснения причин и даже не дожидая, чтобы рабочий обнаружил себя «негодным». Рабочий не имеет права ни избирать работу, ни просить специальной оценки для нее, управление имеет право поставить его к какой угодно работе и в случае, «если где-либо промысловое управление не найдет удобным производить измерение выработки (урочной), то тогда работу нашу считать поторжною и плату производить поденную, как во всех вспомогательных поторжных и надворных работах». Оценка сторонних работ (не приисковых), напр.: за выделку кож, приготовление кирпичей, смолы, дегтя, угля, сена и пр. «зависит

от управления приисками»¹... Словом, везде в контракте перечислены лишь одни обязанности рабочих и права приискового управления, причем за каждое несоблюдение рабочими обязанностей грозит или штрафом или полицией. Штраф назначается без всякого суда и размер его немал: за несвоевременный выход на работы за каждый просроченный час 30 коп.! Даже за драку и буйство приисковое начальство может штрафовать от 1 до 3 руб. За побег с прииска, сверх исправительного взыскания (на некоторых приисках практикуются розги), виновный подвергается отработке всех дней отлучки, покрытию всех расходов по поимке и к единовременному взысканию 6 руб. в пользу поимщика.

Теперь обратимся к пище рабочих: каждый рабочий получает в месяц хлеба $2\frac{1}{2}$ пуда, а с 1 мая по 1 сентября – еще 5 фун[тов]; круп – 8 ф[унтов], соли – 4, масла и взамен его сала по 1 ф[унту]; говядины свежей или солонины – по $1\frac{1}{2}$ фунта в день, а если не случится ни того, ни другого мяса, то 1 фун[т] вяленого; чай полкирпича в месяц полагается лишь тем, кто находится в поисковых партиях. Сравним это с пищей рабочих на Обь–Енисейском канале: там каждому рабочему выдается в день мяса $1\frac{1}{4}$ ф[унта] (причем ни потроха, ни голова с ногами, как на Асташевском прииске, не принимается за мясо); и в месяц крупы на кашу 12 фун[тов], масла 3 ф[унта], хлеба ржаного, кислой капусты сколько потребуется без весу, и половина кирпича чаю каждому.

Еще большая разница в положении рабочих на приисках и канале происходит от различной организации в них продажи рабочим одежды и других предметов потребления. На приисках лавочки содержатся самими золотопромышленниками и составляют для них одну из доходнейших статей предприятия. На многих бедных приисках эта статья является иногда единственной доходной статьей, возмещающая убытки от самого промысла. Просматривая расчетные листы рабочих на некоторых приисках, мы нашли, что в этих лавочках рабочие спускали едва не все свои заработки, так как цены на все предметы здесь тройные. На канале это дело поставлено совершенно иначе и цены на все главные предметы здесь почти одинаковы с томскими. Управление канала заключило условие с торговцем Колосовым, по которому этот последний, открывая здесь на каждом стану свои лавочки, обязывается продавать из них товары по определенной в контракте цене и непременно установленной доброкачественности; образцы этих товаров за печатями хранятся в конторе каждого стана, и рабочие, получив недоброкачественный товар, могут всегда его обменять или отдать обратно. Эта сторона дела весьма резко отличает канал от частных приисков.

¹ Все эти работы на канале исполняются отрядом и принадлежат к числу самых выгодных. Партии рабочих, подрядившиеся доставить деготь, дрова и проч., работают на всем готовом, при готовых лошадях и инструментах и сдают деготь, напр., за 50 к. с пуда, сажень дров – за 30–40 к. и пр., выручая таким образом до 25–30 р. в месяц на каждого.

Точно так же здесь большая разница в доставке и обратной отправке рабочих; на прииски они должны являться и с приисков уходить на свой счет даже до сборного пункта; во время дороги продовольствуются также на свой счет, между тем как канал до сборного пункта туда и обратно доставляет рабочих даром на свой счет и в это время их довольствует почти так же, как и во время самих работ. Большая разница и в размерах штрафов: приисковое начальство по своему усмотрению может наложить штраф до 6 р., на канале же он не превышает 2–5 р., в безотчетную кабалу десятников или даже заведующего работами. Громадная разница и в расчетах рабочих с управлениями. Прежде всего на канале заведен порядок ежемесячного подсчета по рабочей книжке в присутствии самого рабочего. На приисках этот подсчет в присутствии рабочего делается раз в контрактный срок, в конце года. На канале нет запрещения требовать свой заработок ранее контрактного срока, на приисках это запрещение составляет один из пунктов контракта. Здесь рабочий лишь с согласия приискового управления может послать несколько рублей своей бедствующей и оставленной им семье. Наконец, контрактному рабочему нет никаких путей вырваться с прииска ранее срока, хотя бы даже он был совсем болен; с канала рабочий может уйти и до срока, если только врач признает его неспособным продолжать работу.

Это только формальная и терпимая законом сторона дела. Действительное положение рабочих на частных приисках, конечно, во много раз хуже, но, к сожалению, при полной изолированности приисков от жилых мест, при отсутствии там кроме рабочих и приказчиков постороннего элемента, о жизни приисков появляется очень мало сведений в публику и в печать. Даже о чрезвычайных несчастиях, вроде смерти от обвалов, гибели пьяных рабочих от морозов и пр. сведения не доходят до печати, а такие случаи нередки. В «Сиб[ирской] газ[ете]» за все время ее существования 1881–[188]8 гг. мы встретили, кроме официальной статистики, о несчастиях на приисках (по всей Томск[ой] губ.) только одно известие, касающееся Алтая. Недалеко от Кузнецка, на прииске Васильева, в 1884 г. сразу было погребено землю 24 чел., из них двое тотчас же умерли, а остальные хотя и спасены, но «находились в печальном положении». (№ 19, 1884 г.) Немного чаще этого появлялись сведения о чудовищных случаях эксплуатации рабочих при расчетах, при продаже им из магазинов одежды, наконец, спаивания возвращающихся с заработками рабочих. О таких злоупотреблениях читатели найдут в «Сиб[ирской] га[зете]» за 1881 г., № 29 (копия чудовищного контракта), в № 16, 1883 г. – (об обвесе и обмере на Митрофаниевском алт[айском] прииске), № 22, 1883 г. – (о неприятии мер против сильно развившихся эпидемических болезней на приисках Бийского окр.) и пр. Однако и формальная сторона дела слишком печальна, чтобы сомневаться в тяжелом положении рабочего.

П. Г[олубев]